

**СЛАВА
ВЕЛИКОМУ
ОКТЯБРЮ!**

КОСТЁР

11 НОЯБРЬ 1978

Сережа Требухин

ПЕРВАЯ КОННАЯ

КОСТЁР

11
НОЯБРЬ
1978

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года

© „Костёр“, 1978 г.

В ЭТОМ НОМЕРЕ

О книге
ЛЕОНИДА ИЛЬЧА
БРЕЖНЕВА
„МАЛАЯ ЗЕМЛЯ“

Воспоминания участника
Октябрьской революции
В. В. Васильева

Очерк „ПАРУСА“ ПОД
МОСТОМ“
о юном изобретателе
Виталии Петровском

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

Таня Евгина

ДЕТИ РИСУ

Ленинград. Выставочный зал.

Ноябрь. Шестидесятый с того ноябрьского вечера, когда ствол шестидюймового орудия «Авроры» плавно заскользил вверх, застыл на мгновение и вдруг дернулся, извергая багряное пламя. И так же, как в тот исторический день, по городу гулял сырой ветер, гнал по серой Неве пенистую волну и, потрескивая, трепетали флаги над стальной палубой «Авроры». А в зале, ярко освещенном, праздничном, перед картинами стояли люди — рабочие, врачи, инженеры, учителя, студенты, они смотрели на полотна, и шестидесятилетняя история совет-

ской страны являлась им в образах, созданных художниками.

Полотна красочно и талантливо рассказывали историю нашей страны: революции, гражданской войны, разрухи, созидания. Я видел красногвардейцев, буденновцев, матросов-балтийцев, солдат, присевших отдохнуть на ступеньках рейхстага, и строителей БАМа. Полотна эти волновали не меньше, чем те, которые я видел на выставках известных художников, но тем, кто написал их, эти картины, было по четырнадцать лет. Откуда же столько достоверности в полотнах?!

Наверное, дело в том, что историю нельзя воспринимать

АТАКА

Вадим Григорьев

ЮТ РЕВОЛЮЦИЮ

как простое движение времени, подобное пересыпанию песка из одного сосуда в другой в песочных часах. История — это прежде всего поступки людей, вылившиеся в события, и события, породившие эти поступки. Самое же удивительное здесь то, что поступки эти не уходят вместе со временем, а каким-то образом передаются нам, определяя затем наше поведение и в детстве, и в зрелые годы, и в старости. И поэтому, независимо от того, в каком году родился каждый из нас, отсчет своей жизни все мы начинаем с того ноябрьского вечера, когда сигнальный выстрел «Авроры» послал на штурм Зимнего революционные отряды

солдат, матросов, рабочих, и впервые в мире свобода из мечты воплотилась в действительность.

Время стремительно несется вперед. Давно ли поезда с комсомольцами уходили на восток, чтобы освоить целину, теперь это уже история. Давно ли известие о запуске в космос спутника потрясло мир, теперь рукопожатие в космосе стало обычным. Космические станции опускаются на другие планеты, атомоход «Арктика» совершает поход на Северный полюс, ученые улавливают и расшифровывают голоса галактик, взоры людей устремлены в будущее.

Но однажды каждому из нас вдруг послышится песня «Сме-

ло, товарищи, в ногу», чистый и протяжный звук боевой трубы, дробный стук копыт, и перед взором возникнут всадники в краснозвездных шлемах, красивые и бесстрашные, и задумчивыми станут глаза у космонавта и у рабочего, присядет к столу поэт и напишет стихи о Гренаде, а рука мальчишки непроизвольно потянется к карандашу. Склонит он свою вихрастую голову над листом бумаги, сделает первый штрих и сам не заметит, как рядом с ним окажется комиссар в пыльном шлеме...

В этом номере журнала много картин с этой удивительной выставки. За каждой из них — стоит Время.

Геннадий ЧЕРКАШИН

РЕЗЕРВНЫЙ ОТРЯД— НА ШТУРМ!

В последние дни перед Октябрьским вооруженным восстанием я почти безотлучно находился в старинном здании, где с сентября месяца помещался не только наш Коломенский, но и Петроградский комитет социалистического союза рабочей молодежи. Почти все руководители разошлись по фабрикам и заводам, вступили в отряды Красной гвардии. У нас всем руководил Оскар Рывкин — секретарь Петроградского комитета. Этажом ниже помещался районный центр восстания: штаб Красной гвардии, райком партии большевиков и правление союза металлистов.

Непосредственно при штабе был лишь небольшой резерв красногвардейцев. Гораздо большими свободными силами располагали мы — в Петербургском комитете ССРМ собралось больше сотни рабочих, подростков, по молодости лет или слабому здоровью не принятых в Красную гвардию.

Утром 24 октября Оскар объявил, что принято решение сформировать из нас запасной резервный отряд.

Ну вот и сбылась наша мечта.

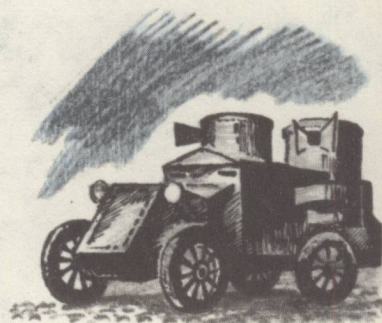
Мы построились во дворе бывшей тюрьмы. Оскар разбил нас на два отделения, а получив винтовки и патроны, мы почувствовали себя и вовсе уверенно.

— С этой минуты мы поступаем в распоряжение районного штаба Красной гвардии, — объявил Рывкин, — все переходим на казар-

Окончание. См. «Костер» № 9, 10, 1978 г.

РАЙКОМ
ВСЕГДА
ОТКРЫТ

П. УСАНОВ
Рисунки А. Януса

менное положение и ждем сигнала к выступлению.

Наступило 25 октября. Восстание взорвало напряженную тишину хмурого осеннего утра. В штаб Красной гвардии, где раздавались телефонные звонки, один за другим прибывали посыльные и связные. Докладывали о ходе операций, получали приказание и вновь мчались к своим отрядам.

Занят великокняжеский дворец на Мойке и управление артиллерийскими заводами на Галерной...

Юнкера выбиты с телеграфа. Взят почтамт...

Докладывают кексгольмцы, заводские отряды Красной гвардии, флотские экипажи Петербургского военного порта...

Занято Военное министерство на Исаакиевской. Главный штаб на Дворцовой, вот-вот матросы ворвутся в Мариинский дворец...

События опережают одно другое. Об одних, происшедших только что, узнают быстрее, чем о свершившихся много раньше. Район действия наших отрядов огромен, а телефоны местами отключены...

Восстание разворачивается все шире и шире. Революция одерживает одну победу за другой! Проходит час за часом, а сигнала все нет и нет.

Нам не усидеть. Булыжник тюремного двора, кажется, уже до блеска натерт подошвами наших сапог. Сотни раз проверены винтовки, подтянуты патронташи. Выбегаем по очереди из глухого двора на улицу. Прислушиваемся. Стрельба все дальше и дальше отодвигается от нас к центру.

И вот, когда мы уже потеряли всякую надежду участвовать в восстании, из дверей штаба выбегает Рывкин:

— Отряд, стройся! Товарищи красногвардейцы, отряду Адмиралтейского завода, штурмующему офицерское логово — гостиницу «Асторию», — нужна помощь.

...Гостиница «Астория» заселена исключительно военными: генералами и высшими офицерами, членами Главного штаба, штаба Петроградского военного округа и Военного министерства. Здесь находилось гнездо реакционной организации «Офицерская лига».

Как только восставшие заняли Военное министерство, Главный штаб и штаб округа, избежавшие ареста офицеры стали стягиваться в «Асторию», собираясь оборонять ее до конца.

Попытка взять гостиницу в лоб натолкнулась на яростный отпор охраны.

Гостиница имела сильную охрану, специально подобранную из обстрелянных солдат-фронтовиков, георгиевских кавалеров.

Тогда рабочие-адмиралтейцы блокировали здание гостиницы. Перекрыли входы и выходы, но прервать связь через дворы и крыши соседних домов — страхового общества «Россия» и гостиницы «Англетер» — сил не хватало.

Красногвардейский отряд Александрова был немногочислен. А к защитникам «Астории» тайными ходами пробирались все новые и новые подкрепления.

Нам приказали изолировать гостиницу, перекрыть все лазейки и попытаться самим найти обходные пути и проникнуть внутрь огромного дома.

Второе отделение направилось к страховому обществу «Россия». Нашему же первому отделению поручили блокировать «Асторию» со стороны гостиницы «Англетер».

«Англетер» всего в три этажа. Мы быстро обошли все номера и коридоры, осмотрели лестницы, кладовки, рестораны, кухню и подсобные помещения. Выставили посты у дверей, забаррикадировали и взяли под охрану ворота.

Но что делать дальше? Все ли лазейки мы перекрыли? Как тайно подобраться к офицерам, засевшим в «Астории»? И вот здесь выручил быстрый, находчивый Миша Потапов.

Он с Ястрженбским и Дубинкиным отправился на переговоры к «рабочему классу». Они сразу нашли общий язык с кочегарами, истопниками, водопроводчиками, монтерами, слесарями, кухонными рабочими. Они закрыли все выходы на чердаки, отключили электричество, остановили лифты, перекрыли водопровод, а наши ребята установили вооруженные посты у слухового окна, откуда и осматривались крыши и дворы соседних домов.

Кочегары подсказали, что внутренние проходы из котельной в гостиницу не охраняются, а только заперты. И со двора в котельную проникнуть можно, подняв крышки шлаковых ям.

К этому времени отряд адмиралтейцев получил подкрепление — группу матросов.

И вот ударная группа красногвардейцев, пользуясь темнотой, перебежала двор и вслед за кочегарами исчезла в шлаковых люках.

— Ну, понеслось! — сказал командир отделения Кишенец, вглядываясь в темноту. — Вот

КОНЦА

что, Павлуха. Забирай половину парней и спускайся сюда, ко мне. Остальным накажи, чтобы глядели в оба.

Быстро выполнив все веленное, я собрал ребят, и мы опрометью выскочили во двор. А из «Астории» уже доносился какой-то треск, стрельба, крики.

Это наши, с тылу ворвавшись на первый этаж, завязали перестрелку, сбили охрану у главного входа и распахнули двери перед отрядом Александрова и матросами.

Мы вслед за Кишенцем бросились в люки и через темноту котельной, цепляясь винтовками за какие-то трубы, выскочили в вестибюль гостиницы. Гремели выстрелы, хлопали двери, звенело разбитое стекло — в темноте трудно было что-то различить.

Тут дали свет. И мы увидели офицеров в расстегнутых кителях, — красногвардейцы обыскивали их. А бой уже затихал где-то в верхних этажах «Астории».

Не обошлось и без конфуза. Наши ребята доставили вниз троих генеральского вида пожилых мужчин, облаченных в мундиры, вдоль и поперек расшитые золотыми галунами.

— Вот, прятались. Оружия при них нет. Сопротивления не оказывали, но молчат.

Да, с «генералами» вышла промашка. Оказались они швейцарами.

Всех задержанных собрали в огромном вестибюле первого этажа. Отобрали сто человек, объявили арестованными.

Перед остальными Александров произнес речь. Он говорил им о пролетариате, о революции, о том, что вся власть перейдет теперь в руки Советов. Потребовал не выступать против Советской власти и дать в том твердое обещание.

Офицеры и георгиевские кавалеры стояли понурые. Сначала мялись, переглядывались, а потом один за другим стали выкрикивать:

— Даем слово! Признаем Советскую власть! Их отпустили, а арестованных повели в Петропавловскую крепость.

Отряд Александрова и матросы построились на площади и по Морской тронулись к Зимнему.

Нам было приказано оставаться в «Астории».

Мы выставили караулы. Заперли все наружные двери. Расставили на этажах посты. Включили лифты. Еще раз обыскали всю гостиницу, но никого больше не нашли.

Вдруг грохнул пушечный выстрел и задребезжали стекла в оконных рамах.

С улицы забарабанил в окно стоявший на посту Иван Ястрженбский, и все, кто был в вестибюле, выбежали на площадь.

— От Николаевского шарахнули, — поспешно сказал Ваня. — Залезли бы на крышу, посмотрели, что там такое.

Наше первое отделение, свободные от караула, втиснулись в лифты и поднялись наверх, на чердак, к слуховым окнам.

За Николаевским мостом были видны сигнальные огни большого корабля. С мачты семафорил узкий луч прожектора.

— Да это, небось, «Аврора»! — закричал Миша Потапов, яростно толкая локтем меня в бок. — Она еще вчера стояла у нашего завода. А сегодня, говорят, отчалила.

Но у Николаевского все было спокойно. Глазок семафора часто мигал в тишине. Зато с другой стороны, из-за высокого гребня крыши «Астории», наплывал гул.

Мы перебрались к окнам на противоположной стороне.

Над Дворцовой металась прожектора. Пулеметы вспарывали воздух. Винтовочные выстрелы сливались с криками людей. Небо гудело и мерцало.

— Да это же Зимний! Наши Зимний берут!..

Литературная запись В. ЛЕПЕТЮХИНА

ДЕСАНТ ВЕДЕТ ИВАНОВ

РОМАНТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА В ДВАДЦАТИ ДЕВЯТИ СОБЫТИЯХ

Герман БАЛУЕВ

Рисунки Г. Ковенчука

СОБЫТИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ ЛЕДОВЫЙ МОСТ

Оставалось две недели до Нового года — срока их выхода к Ние. Десант, используя каждую минуту свободного времени, рвался вперед. Всем казалось, что победа близка. Но у Красного Яра — заснеженного среза высокой сопки — путь преградила большая река. Прямо под Яром длинной кляксой чернела глянцеваая полынья. Над ней клубилось облако пара. Даже с обрыва было слышно, как бурлит река в полынье, как гремит подо льдом камнями.

Взяли подальше от полыньи, но едва бульдозер съехал с берега, лед треснул с пушечным гулом, вздулся белой волной, и она покатила через реку.

— Назад! — закричал Иванов.

Бульдозер, лязгнув, попятился.

Вася заглушил двигатель, вылез на гусеницу и сплюнул.

— Приехали!

Иванов стал ходить по льду, сосредоточенно размышляя.

— Ломились сквозь лес, як бугаи... Быстрей, быстрей! — развел рукавицами Голуб. — И все, выходит, зря?

Десант, собравшись возле бульдозера, наблюдал, как Иванов ходит по льду. Наконец он перестал ходить, прислонился к гусенице и закурил.

— Выход один, — сказал он мрачно. — Строить ледовый мост. Упрям сваи в дно реки. Между ними подо льдом намерзнет ледовая арка и образует поперек реки прочный ледовый мост. — Он помолчал. — Так как?

Окончание. См. «Костер» № 9, 10, 1978 г.

— А что как? — отозвался Дед. — Надо, значит построим.

— Через две недели мы должны выйти к Ние, — задумчиво сказал Иванов. — Так что ледовый мост нужно построить за четыре дня.

Вася присвистнул.

— Придется напрячься, — сказал ясный и бодрый Дед.

А Голуб лишь покряхтел.

Игоря и Ахмета послали заготавливать бревна для свай.

Разгребли снег, и Дед бензопилой сделал во льду первый пропи́л. Едва он его закончил, река выбила ледовую пробку и, ударив фонтаном, окатила задумчиво наблюдавшего Голуба с ног до головы. Он мгновенно оброс ледовым панцирем, изумился и побежал к Жене оттаивать.

Первое бревно уткнули в дно реки с немалым трудом: его вырывало течением. Держали, пока не вмерзло. А потом взялись за второе. В общем, до вечера погрузили всего пять бревен.

— К весне управимся, — угрюмо сказал Иванов.

Ребята виновато молчали. От брызг полущубки заледенели и лязгали, словно латы. Придя ужинать, поставили их на пол, словно колокола. В тепле полущубки быстро раскисли и опали сырой овчиной.

Иванов лег на нары и замер, глядя в закопченный потолок.

Дед со страданием покосился на командира, забрал полущубок и вышел.

В окно бешено светила луна. Морозные разводы искрились. Слышно было, как Дед скрипел валенками возле дома. Вернувшись, он сказал со значением:

— Вася, сегодня на удивление светло. Зачем нам сидеть в темной избушке?

Вася невесело усмехнулся:

— Тогда я еще раз поем?

— Поешь, — сказал Дед.

Вася еще раз поел, а Дед его подождал. Потом они взяли бензопилу и ушли.

Через полчаса донесся визг грызущей лед бензопилы.

Лева сполз с нар и, убедившись, что ноги еще достаточно крепко держат, вышел. Голуб, сопя, совал по карманам тушенку и хлеб. Со стоном поднялся и помассировал мускулы Игорь.

Изумленная Женя лишь провожала ребят глазами.

Иванов выкурил трубочку.

— Кажется, спаялся десант, — сказал он задумчиво и тоже ушел.

К полуночи Женя с ведром горячего какао пришла к реке. С обрыва ей открылась фантастическая картина. Какие-то странные тени, держась за бревно, исполняли танец на искрящемся лунном снегу. И только скрип снега да тяжелое дыхание говорили о том, что это ее ребята. И она ощутила такое счастье, что они есть на свете, что споткнулась и чуть не разлила какао.

Пока Женя спускалась с крутизны, течение вырвало сваю из уставших рук и конец бревна ударил Деда в живот. Дед отлетел и замер. Он лежал на льду так неподвижно, что Вася перепугался.

— Дед! — завопил он. — Помер, что ли?

— Отдыхаю, — спокойно ответил Дед. — И обдумываю одну мысль. — Он встал и отряхнулся. — Мысль такая: наморозить мост еще сверху. А, командир?

— Мудро, — сказал Иванов. — Дерзай!

Женя поставила ведро на снег и приступила к раздаче какао.

Обледенелые рукава не гнулись, и кружку было не донести до рта. Женя поила ребят из рук, как младенцев.

На другое утро Вася и Дед принесли с собой печную трубу. Они всунули ее в лунку, и стремительная вода, с хлопаньем взлетев по трубе, ударила толстой струей.

— Дед, ты гений! — восхитился Вася.

— Да, я очень способный, — согласился Дед.

Вода застывала языками, как лава.

К концу третьего дня было вморожено последнее бревно. Ребята, словно очнувшись от тяжелого сна, недоверчиво огляделись. Через реку изо льда рядами торчали бревна. А между ними стлыла желтая наледь.

— Молодцы мы все-таки, — сказал Лева. И все молча с ним согласился.

А Игорь Любавин подумал, что он молодец больше всех: научился работать, как настоящий лесоруб; уже командовал десантом; заготовил все сваи для ледового моста. У каждого героя есть недостатки, но не всем об этом обязательно знать. Он расправил плечи и улыбнулся, как всегда, уверенно и открыто.

— Я счастлив, что встретился с вами, ребята, — растроганно объявил Лева. Он попросил у Иванова ракетницу и выстрелил в небо победной зеленой ракетой.

До Нии оставался последний бросок.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТОЕ

ЧЕРЕЗ ЧАС

Через час десант двинулся через реку. На кабине бульдозера Вася приладил победный красный флажок. Перед бульдозером по ледовому мосту солидно вышагивал Дед. За бульдозером праздничной толпой шли все остальные. Когда благополучно перешли реку и выбрались на противоположный берег, Вася заглушил двигатель и вылез на гусеницу.

— Граждане бывшие интеллигенты! — крикнул он. — Вы построили хороший мост, я даже не утонул.

Десант весело откликнулся на Васину речь. У всех было радостно на душе: Ния была близка.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

УГОВОРИЛА

И снова Васин бульдозер крушил деревья, и снова взывала Дедова бензопила: десант пробивался к Ние. Одной лишь Алле до этого не было никакого дела. Она перестала причесываться и умываться. Лежала целыми днями на нарах, уставившись в потолок.

Женя не забывала, что Иванов просил Аллу подбодрить. Только как это сделать? Женя привыкла к энергичным и бодрым людям. И первое, что ей приходило в голову, когда она смотрела на Аллу, — окатить бывшую подругу ведром холодной воды или же схватить за шиворот и выгнать на мороз, на работу. Но Женя сдерживала себя. Она помнила, что она комиссар.

— Ты не заболела ли, Алла? — спросила она так сладко, что самой стало противно.

— Умерла! — огрызнулась Алла. И даже взглядом не повела в сторону комиссара.

Женя даже задохнулась от гнева.

— Ну, ты!.. — не сдержалась она. — Пассажира!

Алла вскочила. От ярости она ничего не могла сказать.

И неизвестно, чем бы эта беседа кончилась, если бы в дом не заглянул Вася.

— Не помешаю? — вежливо осведомился он. — Я всего лишь напиться.

— Лежит и лежит, — угрюмо сказала Женя.

— Ну и что? Может, она отдыхает, — попив водички, ответил Вася. — Пускай посмотрит, как мы работаем. По крайней мере, дома будет о чем рассказать.

— Ты! Ты! Шут гороховый! — закричала яростно Алла.

— Виноват! Некогда! Ухожу! — пробормотал Вася и быстро скрылся за дверь.

Алла вдруг сникла, закрылась руками, и слезы потекли у нее между грязными пальцами. Женя села на нары и обняла ее за вздрагивающие плечи.

— Алла, милая, ну скажи, что с тобой. Может быть, я в силах помочь?

— Холодно, грязно, мокрыми валенками воняет... — сквозь слезы проговорила Алла. — А где-то другая жизнь... Неужели, Женя, тебе хорошо? Не поверю! Зачем я здесь, зачем? — воскликнула она. — Ехала сюда, думала: весело будет — песни, костры, работа такая, как праздник.

— Саша говорит: «Работа и есть работа. Только одни работают в душных помещениях — допустим, ученые, а другие на свежем воздухе — как мы».

Алла, опустив голову, задумалась. Потом стрельнула в Женю острым взглядом. И примирительно заговорила о том, что она и сама измучилась без дела и просит назначить ее помощником комиссара.

— Каким еще помощником? — не поняла Женя.

— По культурным вопросам. Ведь мы живем здесь, как дикари. Строим дорогу на века, а где культура?

Женя с сомнением покачала головой. Потом выдавила:

— Ладно! Уговорила.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

КУЛЬТУРНАЯ РАБОТА

Алла заявила Иванову, что она теперь помощник комиссара и хочет, чтобы у нее тоже был помощник.

Иванов в недоумении погладил бороду.

— Помощник помощника? — спросил он.

— Вот именно! Если, конечно, вы хотите, чтобы у нас была культура.

Иванов покряхтел, поморщился, но сказал: «Ладно!». И повел Аллу туда, где десант бил просеку.

Они шли по только что проложенной дороге, и дорога была похожа на ущелье. По сторонам громоздились наваленные друг на друга деревья, горы снега.

Тишина стояла такая, что каждый звук разносился, как выстрел. А рыканье бульдозера громом прокатывалось по тайге.

Когда они вышли к месту работ, бульдозер, лязгая гусеницами, насадил на высокую ель, и с веток на него белым ливнем сыпался снег. Наконец, дерево рухнуло, взбив снежное облако. Из земли вывернулся плоский, похожий на огромное блюдо корень. Бульдозера за ним даже не стало видно.

Иванов помахал рукавицей, и бульдозер выполз на дорогу. Вася высунулся из кабины.

— Поступаешь в распоряжение Аллы, — крикнул Иванов. И сменил Васю за рычагами.

Бульдозер с грохотом полез в тайгу. А Алла повела помощника в лагерь.

— Тебе поручение, Вася, — растирая замерзшие щеки, сказала она. — Вот ты сочинишь всякие дурацкие стишки. А теперь сочини дело. Напиши боевой лозунг в стихах: «Мы покорим тебя, тайга!». И что-нибудь там: «Ага-ага...» — в рифму.

— Ага, ага! — развеселился Вася. — Это можно.

— Ты все понял? — строго спросила Алла.

— Еще бы!

— Не подведи!

— Ладно.

— А я пойду пока подзаправлюсь.

На Васиных щеках заиграли веселые ямочки.

— Приятного аппетита! — пожелал он. И шаркнул валенком.

Вася слазил в вездеход, достал банку сурика и корявыми красными буквами написал на двери дома:

**МЕДВЕДЬ, ОТКРЫТЬ КАЛИТКУ ЭТУЮ
ТЕБЕ Я ОЧЕНЬ НЕ СОВЕДУЮ.**

Дожевывая бутерброд, Алла вышла проверить работу. Прочитала и поморщилась.

— Дурак! — рассердилась она. — Хоть бы грамотно написал.

— А как грамотно? — с интересом спросил Вася.

— Грамотно: эту.

— Сейчас поправим, — сказал Вася. И соскреб топором две буквы. Получилось:

**МЕДВЕДЬ, ОТКРЫТЬ КАЛИТКУ ЭТУ
ТЕБЕ Я ОЧЕНЬ НЕ СОВЕТУ.**

Алла в бешенстве топнула валенком.

— Никому ничего нельзя поручить!

Вася, посмеиваясь, пошел на просеку.

А Алла, захлопнув дверь, уселась на нары.

В таком состоянии и застал ее вернувшийся с работы десант.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

ПРИМЕТЫ: РЫЖАЯ, ГОВОРIT С ХРИПОТЦОЙ

Вертолет завис над домиком и сбросил вымпел. Недалеке от Иванова в снег упал набитый песком мешочек с привязанной к нему длинной алой лентой. Иванов вытянул за ленту мешочек из снега. К боку его был пришит карман. И в нем Иванов обнаружил записку. Аккуратным почерком начальника штаба было написано следующее:

«Разыскивается Женя Карпова из Новоросская, девятнадцати лет. Приметы: рыжая,

говорит с хрипотцой. Работала в горьком комсомола, сама себе выписала комсомольскую путевку и скрылась в направлении БАМа. В Новороссийске паника. Меня забросали телеграммами. Я все десанты обшарил — нет ее. Не у тебя ли она? Если у тебя, срочно отправляй ее в Усть-Кут. А я ее — первым же самолетом в Новороссийск».

На обратной стороне записки пилот накарябал карандашом:

«Лечу в Улькан. Через час вернусь. Сяду на реку. Готовь девицу!»

Иванов поднял глаза. Вертолет уже улетел. Иванов засек время и бросился в дом.

— Женя! — крикнул Иванов. И выманил ее из дома.

Женя, подхватив полушубок, выскочила за ним.

— Рассказывай быстро, ты сбежала из дома? — стремительно спросил Иванов.

— Да, — хрипловато отчеканила Женя, глядя правдивыми серыми глазами в глаза Иванова. — Родители были на курорте. Я им оставила дома записку.

Иванов сунул в рот пустую трубочку, и щеки его, как всегда в минуты раздумий, расскледи морщины.

— Тебя ищут, — сказал он, помедлив.

Женя посмотрела на него умоляюще.

Иванов еще немного подумал. И сказал:

— Ладно! Пиши текст телеграммы: жива, здорова, целую. И прочее. — Он шагнул к двери домика и оглянулся. — И добавь: через месяц приеду домой.

У Жени стали набухать губы.

Иванов усмехнулся:

— Пора в отпуск. Я тоже хочу на юг.

Он распахнул дверь. Весь десант сидел за столом, только Алла — отдельно, на нарах.

— Если хотите, я сам был лишним в начале десанта, я только мешал, — сидя во главе стола, внушительно говорил Лева. — Но сумели же мы стать настоящими бойцами БАМа. Почему же она не может? Или просто не хочет?.. — Лева обвел ребят суровым взглядом. — Нас по радио называют героями. И тебя в том числе. Как ты людям в глаза будешь смотреть? — воскликнул он и посмотрел на нары, где сидела Алла. Но ее там не было.

Иванов схватил ее рюкзак, кинул ей на руки полушубок, и в то время, когда Лева развивал свою мысль, они уже бежали по пробитой десантом дороге к реке.

— Они совсем меня заклевали. Вы решили меня спасти? — задыхаясь от бега, спрашивала Алла.

— Молчите! А то сорвете дыхание, — приказал Иванов.

Он спешил. Небо уже предвечерне блекло, над тайгой кралась светлая тень луны.

Они молча бежали, и снег взвизгивал под ногами, а по бокам двумя черными стенами стояла тайга.

Они выскочили на берег реки, когда над нею уже стрекотал вертолет. Иванов выдер-

нул из-за пазухи ракетницу, послал в небо зеленый сигнал и скатился на лед.

Вертолет сел, не гася винта, чтобы в случае, если не выдержит лед, сразу взлететь.

Закрываясь рукавицами от морозного вихря, Иванов и Алла подбежали к борту, и пилот помог им забраться в дверь. Он был все такой же румяный и жизнерадостный.

— А-а-а! Лесоруб! — обрадовался он Алле. — Батюшки, что они с тобой сделали? Ты же грязная, как трубочист.

Иванов сунул ему бумажку:

— Пошлешь телеграмму!

— Куда мы полетим? — в ухо пилоту крикнула Алла.

— В баню! — летчик захохотал. И вдруг сконфузился и замолк. — Извини, — сказал он Алле. — Ты же пойманная беглянка, тебе не до шуток, я-то, дурак, забыл!

Он подхватил изумленную Аллу под руку и повел в пилотскую кабину.

Иванов прыгнул на лед реки, и вертолет тотчас поднялся.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ СЕРЕБРИСТЫЙ ТУМАН

Уже недалеко был конец пути, когда бульдозер сломался. Раскаленная морозом сталь лопнула, будто стекло.

Бульдозер оставили. Искалеченный и заиндевелый, он замер на дороге, как поверженный в битве танк.

Теперь впереди шел Дед. Ребята, утопая в снегу, растаскивали бурелом.

— Очень хорошо, — глухо покашливал Иванов. — Еще километр — и выйдем к последней базе. А от нее до Нии рукой подать.

А когда вышли к базе, их ожидала беда. База была разорена. На изрытом снегу валялась расковыренная продуктовая бочка. Обрывки пакетов, этикетки, остатки продуктов были втоптаны в медвежьи следы.

Иванов помрачнел. Над тайгой стоял серебристый морозный туман. Он тек, как серая пыль. Сквозь него не проглядывало ни клочка ясного неба. Лишь солнце просачивалось маслянистым пятном. Однажды прострекотал вертолет. Но разве мог он найти их в этом море тумана!

В снегу подобрали пять банок говяжьей тушенки и три банки сгущенного молока. Иванов выложил это богатство на стол и после долгого молчания сказал:

— Вы мечтали стать героями. Время пришло — становитесь! Что для этого требуется? Развлекаться и отдыхать. — Он пристально посмотрел на каждого. — Дела наши плохи. Продуктов на день, не больше. Помощи ждать? Туман... Слушайте мой приказ. Заготовить побольше дров. Топить круглосуточно. Лежать и беречь силы... Я уйду дня на че-

тыре... Попробую добыть еды. Командиром остается Игорь Любавин. Вопросы есть?

— Нельзя! — вдруг сказала Женя. — Один, без продуктов, в тайгу...

— Мы обязаны выжить! — прервал ее Иванов. — Первый комсомольский десант не имеет права погибнуть.

Он уложил в рюкзак банку тушенки, котелок, чай, соль, спички, моток капронового шнура, бинокль, карту, две пачки патронов, ком свившейся бересты.

— Ну, держитесь! — Он в последний раз оглядел притихший десант, взял ружье и вышел.

Он поднялся в седловину меж пестрых сопкок и на гребне услышал, что его догоняют. Он оглянулся. Это была Женя. Тяжело дыша, она стала совать Иванову запасной свитер, беличьи рукавички и помятую пачку печенья.

— Мамино еще... А я забыла... — торопливо говорила она. И вдруг уткнулась лицом в его полубухок. — Саша! Я так за тебя боюсь!

В ее голосе было столько отчаяния, что Иванов твердо сказал:

— Я не погибну. Я тебе обещаю.

— Саша, я буду ждать.

Внизу, под сопками, чернильными полыньями парила река.

— Это и есть та самая Ния, — спокойно пояснил Иванов. — Вот здесь, — он показал рукой, — будут строить поселок.

— Дошли! — ахнула Женя. — Два шага — и победа!

— Два шага... Но мы их делать не будем, чтобы не тратить сил.

— Как! Ведь всего два шага!

— Мы сделали самое трудное. Теперь, — сказал он, помедлив, — колонна дойдет до реки и без нас.

— Без нас, — как эхо отозвалась Женя. — А мы?

Иванов сумрачно усмехнулся:

— Мы выполнили свой долг. Теперь попробуем выжить. Поняла? И о Ние, прошу, ни слова!

Он тронул ее за плечо и стал спускаться к реке.

Женя долго смотрела, как скользящим охотничьим шагом Иванов шел среди полыней. Ей с гребня не было видно, что двигается он по медвежьим следам.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ НЕ ПРОСКОЧИЛ

Иванов шел и шел по реке, как вдруг медвежий след повернул на берег. Командир остановился в раздумье.

Тайга мрачно стояла по берегам, свесив над рекой тяжелые лапы. Было мертво кругом: ни звука, ни шороха. Лишь иногда золотой молнией хвою прошивал соболь.

«Странно! — подумал Иванов о медведе. — Куда ж это он?»

Взобравшись на берег, Иванов уперся в завал. Он полез через него и добрался почти до вершины, когда гнилые стволы под ним затрещали, и он полетел куда-то вниз головой.

Стало темно, и он понял, что засыпан снегом. Ружейный ремень, съехав на горло, душил начальника десанта.

«Очень хорошо!» — успокоил себя Иванов и стал шарить в снегу руками. Он нащупал крепкий сук, отжался, освободил горло и вздохнул. Отжавшись еще и еще, Иванов выбрался из завала и полежал, отдыхая. Он понял, что тайгой ему не пройти.

Он спустился на лед и вытряс снег из одежды. Рукавицы пропали в завале. Достав Женины рукавички, Иванов связал их шнуром и повесил на шею, как это делают малыши.

Он снова двинулся вниз по реке и вскоре уловил, что к журчанию воды подо льдом прибавился какой-то невнятный гул. И чем дальше шел Иванов, тем отчетливей делался гул. Настала ночь. Гул превратился в близкий рев. Тогда Иванов перестал идти.

Он утоптал снег под елью, выстлал лапником, разделся и забрался в спальный мешок.

Проснувшись, Иванов набил котелок снегом и развел костер. Он съел полпачки Жениного печенья и пил чай до тех пор, пока не рас-свело.

На рассвете он увидел, что льда впереди нет. Черная вода кипела на валунах. Берега были скалисты. Они сжимали реку, словно каменные щеки.

«Ах, бродяга — подумал Иванов о медведе. — Значит, вот почему ты пошел в обход».

До полудня, цепляясь за кусты и трещины, осторожно переходя с камня на камень, он пробирался в грохочущем каменном коридоре. Глаза утомлял сухой кварцевый блеск. Наконец он дошел до скалы, которая шоколадной плоскостью отвесно падала в реку. Иванов понял, что придется обходить ее поверху. Но сил уже не было.

Он скинул рюкзак, приказал себе поспать полчаса, опустился на корточки и заснул. Еще несколько секунд явственен был грохот черной воды, а потом Иванову стало казаться, что лежит он на пляже и слышит шум Черного моря. Иванов обрадовался во сне и подумал, что теперь-то уж он всласть погрееется на южном солнышке.

Он проспал полтора часа и, проснувшись, огорчился, что не выполнил свой приказ. Он решил бежать, чтобы наверстать упущенное время. Выбравшись из каменного каньона, он увидел, что снова начался сплошной лед, и побежал ослабленным шагом, экономя силы.

Из тайги вышли следы медведя. Их уже замело снегом. Они были похожи на голубые воронки.

Впереди задымили две полыньи, но Иванов не стал их обегать, чтобы не терять времени.

Он надеялся, что проскочит между ними по тонкому льду.

Но не проскочил.

Иванов даже не услышал треска. Просто лед раздался, и он полетел, раскинув руки. В следующий момент он почувствовал, как холод сжимает сердце, а ноги затягивает под лед. Черная вода бурлила у самых глаз.

«Кажется, все, — подумал Иванов. — А жаль!»

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

ПЯТЫЙ ДЕНЬ БЕЗ ИВАНОВА

Два дня проскочили в шахматной битве. А на третий ребята притихли и молча легли. Лица осунулись, глаза поблескивали, а Голуб все вздыхал и жевал губами. Женя виновато поглядывала на ребят: она могла предложить только чай.

Лишь Вася и Дед не унывали. Разгромив всех, они теперь играли друг с другом. Они сидели по-турецки на нарах и беседовали как обычно: «Ваша не пляшет» и «Я дико извиняюсь».

— Не поверите, — сказал Игорь. Он грудой обвисших мускулов тихо лежал в углу. — Я в детстве печенку не ел. Презирал ее, идиот.

— Да уж! — согласился Вася. И оживился: — А вот тоже был случай... Это когда мы строили порт на Дальнем Востоке, а жили на корабле. Я каждый день покупал по рубашке. Как замаяжется, я ее — р-р-раз! — и под койку. Новую покупаю и — никаких хлопот. Ну вот, построили мы этот порт, я тащу из-под койки рубашки. Мама родная! Целый универмаг. Я как подумал, что их надо стирать, — волосы дыбом. Связал я их в огромный узел, вынес ночью на палубу и утопил в Тихом океане.

— Ну и что? — не понял Игорь.

— Как что? — удивился Вася. — Сразу спокойно стало. Не везти же было мне их на БАМ! Я и костюмы свои раздал. Оставил себе сапоги да ватник.

И Лева со стыдом подумал, что а вот он никому костюмов не раздавал, и поклялся себе, что обязательно это сделает.

А Игорь сказал:

— Видели мы, каким ты был оборванцем. А печенка-то здесь при чем?

— А печенка вот при чем, — продолжал Вася. — Только я освободился от имущества, приходит мой друг из морей. Он давно уже ходит в моря. Моря любят сильных, а сильные любят поесть. И зовет меня друг в ресторан. Чтобы позавтракать. А в чем, позвольте узнать, я пойду? В ватнике? В сапогах? Неувязка. Ладно, иду, прощу у друзей. Одеваюсь, как граф Монте-Кристо. В ресторане все как надо: скатерть, фрукты, легкая музыка... Только печенки нет...

— Тьфу! — сказал из угла Игорь.

А у Голуба вдруг гулко ударило сердце. Он вспомнил, что еще в самом начале десанта, во время погрузки вездехода, припрятал на всякий случай две банки говяжьей тушенки. Он возликовал, но тут же опомнился и засопел, притворяясь спящим, чтобы никто ни о чем не догадался.

Теперь он знал, что останется жить. Двух банок тушенки ему хватит на неделю. А за неделю туман должен рассеяться, и тогда их найдет вертолет.

Полежав еще немного, Голуб встал и, громяхая по дровам, которыми был завален весь пол, вышел из дома.

Убедившись, что вслед за ним никто не идет, он влез в кузов вездехода, просунул руку за ящики с гвоздями и — вот они, консервы, слава богу, целы!

Голуб спрятал банки на прежнее место.

Выпрыгнув из вездехода, он пошел в дом и лег на нары.

— Ну как? — спросил Вася, не отрывая взгляда от шахмат.

— Что как? — испуганно вскинулся Голуб.

— Погулял?

Голуб засопел, встал и подкинул в печку дров, хотя она уже раскалилась так, что от ее вишневых боков отскакивали искры. В доме царил малиновый сумрак.

— Играй знай! — сказал Голуб. Он лег и затих.

Вскоре затихли и шахматисты. Лицо Деда во сне стало совсем детским. Он все что-то шептал и шевелил губами. Потом вдруг воскликнул: «Папа!» — и заплакал не просыпаясь. Женя положила ему руку на лоб. Дед всхлипнул и успокоился.

Ребята то впадали в забытие, то просыпались. День для них перепутался с ночью. Время от времени Женя кипятила воду и поила ребят сладким горячим чаем.

Когда началась передача для строителей Байкало-Амурской магистрали, она настроила Васин транзистор погромче. И вдруг крикнула:

— Люди, про нас!

По радио выступал профессор из Ленинграда, отец Левы. Он сказал:

— Лева, я надеюсь, ты слышишь меня...

Дед приподнял Леву за плечи и посадил на нарах.

— Я сначала был в недоумении, — продолжал профессор, — зачем тебе понадобилось ехать на Байкало-Амурскую магистраль. Но затем я пришел к выводу: человек, как клинок, должен пройти закалку. Тогда он сможет идти по жизни безбоязненно и достойно, с поднятой головой. Я спокоен за тебя, Лева. Я уверен, тебя окружают сильные люди. Они научат, если ты не умеешь, и поддержат, если ты упадешь духом... Будьте требовательны и добры друг к другу, ребята! — с силой сказал профессор. — Поздравляю тебя с днем рождения, сын! — сказал Левин отец. — И как подарок прошу принять...

Голос профессора вдруг замылся слабым шумом и треском, и приемник умолк: сели батареи. Тишина воцарилась в доме, только угли стреляли в печке.

Лева большими светлыми глазами смотрел в малиновый сумрак, на мертвое радио.

— И как подарок прошу принять... — шепотом повторила Женя.

Голуб, гремя по дровам, вышел из дома. Через минуту он вернулся и положил на колени Лева две банки говяжьей тушенки.

Лева с недоумением посмотрел на банки.

— Это откуда?

— Ко дню твоего рождения берег, — сказал Голуб и лег на нары.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

ДРУГОГО РАЗА НЕ БУДЕТ

...Сперва Иванов чувствовал, как вода заливается в сапоги, трогает ледяными пальцами грудь. Потом тело как будто отмерло. Только глаза еще жили. Они мерзли.

Держась локтями за кромки льда, Иванов смутно подумал о том, как будет плакать Женя, и рассердился на себя за свою глупую неосторожность.

Держась за лед левой рукой, правую он погрузил в воду и нащупал на поясе нож. Он перерезал ружейный ремень и положил ружье поперек полыньи. Потом он перерезал лямки рюкзака, поймал его в воде и выкатил на лед.

Намокшая одежда тянула ко дну. «Ну, — сказал он себе, — давай!». Он знал, что сил хватит лишь на один рывок, что второго раза не будет. Сосредоточившись, он рванулся из полыньи. Упав грудью на ружье, он отдохнул, закинул левую ногу на лед, подтянул правую и быстро откатился по льду.

Потом он вскочил и побежал. Через несколько мгновений он превратился в глыбу льда. Вода в рукавчиках замерзла. Они болтались на шнуре, как гирки, и со стеклянным звоном бились о полушубок.

Все тело жгло и ломало. Но Иванов радовался этой боли, потому что боль — это жизнь. Но и боль уходила с каждой секундой. Ноги стали подламываться. Иванов понял, что жить ему осталось недолго.

Он увидел впереди упавшую на лед сухую березу, но не смог ни свернуть, ни остановиться. Тело перестало слушаться его. Он с разбега вломился в чащу сухих веток, ломая их обледенелой грудью, споткнулся и упал. Правая рука ударилась о ствол с неживым деревянным звуком.

«Отпрыгался!» — лежа в снегу, подумал про себя Иванов.

Однако Иванов встал на колени и полез на высокий заснеженный берег. Он лез, прорывая в снегу глубокую борозду, скатывался вниз и снова лез. Зачем он стремился туда, он не

знал. Но он чувствовал, что должен выбраться на берег.

Он долез до верха и, с трудом раздрав смерзшиеся ресницы, увидел древнее зимовье — охотничью избушку, коряво сложенную из огромных листовенных стволов. Дверь была задавлена сугробом, и он долго ползал, разрывая коленями снег.

Наконец он открыл дверь, ввалился в избушку и упал на утоптаный земляной пол. Сложенный из камней очаг был набит дровами. Из-под дров торчал ком свившейся бересты.

Спасение было рядом, но Иванов не в силах был разжечь очаг. Ему хотелось плакать от обиды, но он давно разучился плакать.

С трудом он сел на земляной пол.

Правая рука оказалась на коленях, против отворота полушубка. Иванов осторожно навалился на локоть и стал впихивать руку внутрь. Через некоторое время он ощутил сырой мех полушубка и обрадовался: рука оживет! Он забрался ею под свитер и стал отогревать на теле. И когда руку стало ломить от боли, он обрадовался еще больше и нащупал аварийную коробку спичек.

На ощупь он развернул полиэтиленовый мешочек, достал из коробки горсть спичек и судорожно зажал ее в пальцах. Затем быстро выхватил руку, всунул спичечный коробок между обледенелых коленей, чиркнул всей горстью и сунул спички в очаг, под ком бересты.

Серные головки взрывались одна за другой, опалая руку. Но он не чувствовал боли. Боясь дышать, Иванов смотрел, как слабый огонь ползет по краю зашевелившейся бересты.

«Кажется, можно попробовать жить», — подумал он, когда огонь занялся бездымно и жарко.

Придя в себя, Иванов разделся донага и стал растираться снегом, мыча от боли и радости. Потом он сходил к полынье, принес ружье, рюкзак, спальный мешок и разложил для просушки одежду и мокрые вещи.

Зимовье топилося по-черному, без трубы. Дым плавал слоями и уходил в выпиленную в потолке дыру. Иванов сидел пригнувшись, чтобы не задохнуться. И топил, топил... Его бил озноб. Он никак не мог согреться.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ МЕХОМ НАРУЖУ

Чтобы вдохнуть в себя силы, Иванов съел всю тушенку, остатки печенья и, натаив снега, выпил целый котелок чаю.

Спальный мешок внутри оказался сухим. Иванов вывернул его мехом наружу и лег вблизи очага. Ясность мыслей вернулась к нему, и он стал думать: что же его спасло? Что повело его, умирающего, на крутой заснеженный берег? Какое воспоминание? Ведь он узнал его, этот берег с приплюснутым коря-

вым зимовьем. Но как он мог узнать место, где никогда не бывал?

И вдруг в памяти возникла застекленная фотография на стене. А на ней: приплюснутое зимовье и пятеро парней в изодранных ватниках и сапогах — топографическая экспедиция по изысканию трассы. Крайним слева был запечатлен ушастый мальчишка в кепке. Навалясь на молодую березку, он шурился в объектив и выворачивал левую руку так, чтобы были видны часы. Это был отец Иванова.

«А береза, в которую я влетел, та самая, — догадался Иванов. — Состарилась, засохла и упала». Он с волнением оглядел прокопченные стены. Значит, вот где закончила съемку довоенная экспедиция!

Начальник десанта сел на спальном мешке, достал трубочку, подсушил табак и закурил. Он все шарил глазами — нет ли следов отца? Но какие могли сохраниться следы? Сколько времени прошло. Да и кем был в экспедиции отец? Семнадцатилетний мальчишка. Прорубал просеки, чтобы топограф мог вести теодолитный ход, таскал мерную ленту да полосатую нивелирную рейку...

Иванову стало горько. Как он любил отца и как жалел! Отец вернулся с войны весь израненный. И пока не умер, — все время лежал — то дома, то в госпитале. Иванов тогда был мальчишкой. Он с болью и ужасом смотрел на впалые желтые щеки отца, на шрам через все лицо.

Иногда отец хватал его за плечи каменными руками, шептал прямо в лицо: «Ничего не сумел, понимаешь, Сашка?! Вся жизнь впустую! Ни-че-го!.. Два года на изысканиях... А потом — война».

От слабости у Иванова кружилась голова, и он лег на спальный мешок. В очаге гудел

огонь. По закопченным бревенчатым стенам ходили красные волны.

Иванов забылся. И чудился ему старинный струг, а на нем казаки. Плывут и плывут они на восток по большой незнакомой реке. Но вот и нет никого... Однако что это? Другие люди — в ватниках, в кепках, и среди них ушастый мальчишка — отец Иванова, продолжают идти на восток. И их следы замывает время... И опять новые люди. До чего же знакомые лица! Особенно вот этот — сумрачный, с бородой. «Да ведь это же я», — подумал во сне Иванов.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ БУРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Утром Иванов почувствовал слабость. Тело ломило. Во рту был такой привкус, как будто он всю ночь лизал нож.

Попив чаю, Иванов собрался и побежал, чтобы разогреться. Он понял, что наваливается болезнь. И начал с ней бороться.

Он бежал до тех пор, пока мускулы не налились горячей силой, а слабость не вышла испариной. И тут увидел склон хребта. Медвежьи следы повели его вверх.

Привычным зигзагом поднимался Иванов на гору: три шага — вдох, четыре — выдох. Он взобрался до зоны тумана, и перед глазами потекла серая пыль. Туман плыл слоями. И чем выше всходил Иванов, тем розовей становились слои, пока, наконец, в глаза не ударило зимнее солнце.

Добравшись до голубых зазубренных скал, Иванов лег на камни и заглянул вниз. Прямо под ним было круглое горное озеро, похожее на арену цирка. С крутых, обнаженных берегов свисали, как змеи, белые корни.

То, что он сперва принял за обломок скалы, вдруг зашевелилось. Иванов достал бинокль

и увидел медведя. Медведь был тощий. Его шерсть свалаялась и висела клоками. Он поедал белые корни.

Иванов спустился чуть ниже, удобно устроился на спальном мешке и проверил ружье. Потом, определив, что ветер тянет от озера и дым не донесется к медведю, он закурил. Так он отдыхал до тех пор, пока не услышал треск корней, сопенье и близкое чавканье. Тогда Иванов снова поднялся и лег с ружьем на камнях.

«Не хотелось бы мне тебя убивать, разбойник, — подумал он. — Но сам виноват. Теперь спасай десант».

Он выстрелил. После секундной паузы послал вторую пулю и сразу же перезарядил ружье. Но больше стрелять не пришлось. Взревев, медведь упал и вытянул лапы.

Освежевав медведя, Иванов набил мясом рюкзак, развел костер, зажарил большой кусок медвежатины, вдоволь поел и попил чаю.

Спустившись с хребта, Иванов срезал молодую ель, укрепил на ветках тяжелый рюкзак и двинулся в обратный путь, таща за собой волокушу.

ПОСЛЕ ВСЕХ СОБЫТИЙ ИВАНОВ ДОКЛАДЫВАЕТ

Колонна автомашин ушла к Ние, а десант Иванова прибыл в Усть-Кут.

Сам Иванов, лежа на койке, читал газеты. А Лева с утра писал. Лева начал писать книгу «Русские в Восточной Сибири» — от Васьки

Бугра до Александра Иванова: хроника подвигов и открытий.

Бывший сапожник отдал в его распоряжение драгоценный сундук. И когда Лева шел по Усть-Куту, — спокойный, с манускриптом под мышкой, то был похож на ветерана.

— Пишу одну суровую правду, — строго сказал он Иванову.

— Вот это зря, — шурша газетами, ответил тот с койки. — Пиши чего посмешнее и возьми Васю в соавторы. Он способный.

— Вася мой друг, — сказал Лева. — Но он не серьезный. Пока не усядется в бульдозер. Не писать же нам книгу в бульдозере?

Из соседнего номера слышался Васин голос. Сразу по приезде Вася купил новый костюм. И теперь, модно одетый, он играл в шахматы с Дедом и рассказывал ему о своей жизни. К вечеру, сопровождаемый Женей, Иванов прибыл в штаб для доклада.

Начальник штаба, увидев громоздкую фигуру Иванова, расцвел.

— Знаю! Все уже знаю! — воскликнул он, обнимая командира. — Молодец! Спасибо! — И, вспомнив, сказал:

— Да, еще одно, Саша... Тут прямо на шею сели — хотят непременно под твоё начало. — Начальник штаба заглянул в бумажку: — Игорь Любавин и Толя Голуб... Возьмешь?

— Ну что ж, — сказал Иванов. — Возьму. — Да, — спохватился начальник штаба. — А куда ты теперь?

— Улетаю завтра на юг.

В штабе от смеха дрогнули стекла. Там собрались веселые люди.

К О Н Е Ц

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

МАЛЬЧИШКИ

Были рассветы алые,
Были костры до неба.
Мальчики в алых галстуках
Добрыми были, смелыми.

Любили они походы,
Пели звонкие песни,
Мечтали водить пароходы
И штурмовать поднебесье.

Но время тревожное было
И летом война подкралась,
Ребята она разлучила,
В домах тишина осталась...
Одни уходили в пехоту,
Другие на море служили,

И в небо, водить самолеты,
Третьи уходили.

Я словно вижу всех их
Перед решительным боем.
Звезды над ними сверху
Шептались между собою.

Я словно вижу всех их!
Звезды спускаются низко...
Слышится мне, словно где-то
Снова поют горнисты.

Снова встает над рекою
Мальчиков строй сплоченный,
Подняты вверх в салюте
Сомкнутые ладони.

Володя Новоселов
6-й класс,
г. Благовещенск

БАБАНЫ

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

Оформление
А. Януса

На встрече
с юнкорами

На встрече с юнкорами Лариса Михайловна Стришкова:

— Когда в Новороссийске открыли мемориал воинской славы, у Вечного огня на пост № 1 вместе с комсомольцами и пионерами встали и мы, участники боев за Малую землю.

Мы принимали от ребят обещание держать автомат так же крепко, как полагается защитникам социалистической Родины. Рядом со мной у поста № 1 стоял Владимир Никитич Кайда.

На встречах со мной ребята задают разные вопросы. Их интересует многое из тех далеких времен. Постоянно возникает вопрос: «Расскажите свою боевую биографию!»

В октябре 1941 года я была младшим лейтенантом, военфельдшером. После ранения целый месяц я провела в госпитале, а потом вместе с другими девчатами — Зоей Балабановой, Надеждой Лихачковой, Ниной Марухо, Галей Ворониной — упорно просилась на фронт, в разведку.

Упорство помогло: взяли нас в разведгруппу старшего лейтенанта Василия Ботылева, самую первую, которой

пришлось вгрызаться в низкий берег, в камень, в насквозь простреливаемый мыс.

Тогда жизнь измерялась не сутками — часами. В ночь с третьего на четвертое февраля 1943 года на катерах мы вышли из Геленджика, не дожидаясь сигнальных огней. Даже сейчас, через тридцать пять лет, не понимаю, как нам удалось закрепиться на берегу. Никогда не забуду, как подошел ко мне Цезарь Кунников, командир десантного отряда, посмотрел на мой распахнутый ворот гимнастерки, снял свой зеленый шарф и отдал мне. Настоял, когда стала отказываться: «Бери, тебе нужней... Иди спасай раненых!»

Младший лейтенант Лариса Стришкова фронтная фотография 1943 г.

Из пламени боя мы выносили раненых бойцов и командиров с их оружием, боеприпасами. Ничего не хотели оставлять фашистам!

Что нам давало силы? Убежденность, что иначе в такое трудное для Родины время нельзя.

Один военный корреспондент так и сфотографировал меня с автоматом, который в бою спасал жизнь и мне и раненым.

Дружба, рожденная в те дни, продолжаете и сейчас. Да и как можно забыть бережное, отцовское отноше-

ние матроса Владимира Кайды? Во всех памятных Новороссийска мне чудится богатырский облик этого человека. С ним, и с бывшей радисткой Галиной Ворониной, и с теми не-многими героями, кто воевал тогда и дожил до наших дней, я переписываюсь.

Когда мы стоим на посту № 1 у Вечного огня, а пионеры поют:

«Над волною синей вьется чайка,
Корабли плывут издалека
Здравствуйте, матрос Владимир Кайда,
Вставший из гранита на века...»

мне кажется, что у меня в сердце тоже застрял кусочек свинца.

На встрече с пионерами

**ТВОЙ
СТАРШИЙ
БРАТ —
КОМСОМОЛ**

Каким должен быть знаменосец?

...Даже многие мальчики из нашего штаба признали в Игоре Таниче, знаменосце пионерского штаба, человека, на которого надо равняться.

Быть знаменосцем городского штаба очень почетно и ответственно. Игоря, восьмиклассника 236-й школы Ленинграда, все уважают, всегда прислушиваются к его мнению, порой даже одно его слово решает спор.

Каким должен быть знаменосец? Мне кажется, ответственным, честным, принципиальным.

Игорь именно такой человек. И все эти качества появились у него не тогда, когда его избрали знаменосцем. Мы видели, как он воспитывал в себе эти качества.

Что бы ни делал Игорь, он всегда четкий, подтянутый. Дел у знаменосца много. Отвечает за соревнования в

штабе, проверяет, чтобы форма была в порядке.

Игорь не зазнайка и не формалист. А ведь есть такие ребята, у которых много поручений, и выполняют они их, может быть, неплохо, но зазнаются так, что к ним не подступиться. Хорошо, что Игорь совсем не такой.

Как-то во Дворце пионеров имени А. А. Жданова проходил слет юнармейцев Ленинграда. Я была первый раз в знаменной группе и очень волновалась. Задолго до выноса знамени мы стали тренироваться. Игорь показывал, как надо ходить строевым шагом, как надо делать повороты.

Он на ходу исправлял мои ошибки, подбадривал. Волнение мое совсем исчезло. На этом слете наша знаменная группа прошла хорошо, безо всяких запинок.

Татьяна Тумченко,
7-й класс, 281-я школа
Ленинграда

ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ

Валерий Сергеев, 12 лет, город Пермь

Заветная страничка

Свои стихи у дремлющей реки,
Свои стихи у молодой осины,
И даже у липучей паутинны

Свои, совсем особые стихи.

Сумей услышать, сердцем разобрать

Негромкий голос трав и ковылей,

И сотни самых сочных, теплых слов

Найдешь в просторах Родины своей.

Наташа Десяткова,
5-й класс, 179-я школа
Ленинграда

Мы-
СОМОВЦЫ!

Однажды в нашу школу пришел человек, работавший в Научно-исследовательском институте Арктики и Антарктики с Героем Социалистического Труда Михаилом Михайловичем Сомовым.

Мы узнали много интересного о М. М. Сомове, выдающемся полярном исследователе, о его работе в Первой советской Антарктической экспедиции, которую он возглавлял.

Познакомились с его женой — писательницей Еленой Павловной Сербровской и его друзьями, пригласили их на наш пионерский сбор. На этом сборе мы узнали, каким был Миша в детстве, в юношеские годы. И нам еще больше захотелось быть похожими на него.

Такие встречи с интересными людьми часто бывают в нашей школе. На этот раз рассказ так заинтересовал нас, что было решено бороться за право носить имя этого замечательного человека.

Когда из длительного арктического рейса пришел в Ленинград корабль «Михаил Сомов», с экипажем которого мы переписывались до этого целый год, нас пригласили моряки на борт судна. Они поинтересовались, как мы учимся, что нам нравится в характере и делах человека, имя которого мечтал получить отряд...

Наконец, настал день, когда совет дружины присвоил нам имя полярника Сомова. Это был праздничный день!

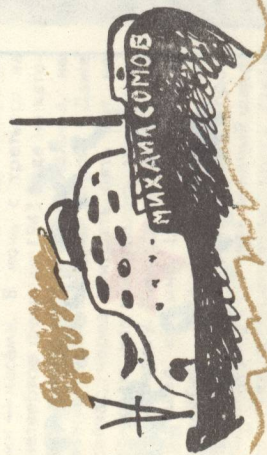

Сомовцы из школы № 431

Поддерживаем связь с институтом Арктики и Антарктики: узнаем там координаты «Михаила Сомова» и носим их на карту, которая висит в классе. Мы всегда знаем, где находится наш корабль-шеф.

За это время мы все стали серьезнее, дисциплинированнее, стали лучше учиться. Поисковая работа сплотила нас, научила содержательнее строить работу отряда. Расширился наш кругозор. Читаем книги о мужестве советских полярников, об армии Севера. И коллектив класса стал дружнее. Все чаще говорим по праву: «Мы сомовцы!»

Совет отряда
7-го класса 431-й школы
Ленинграда

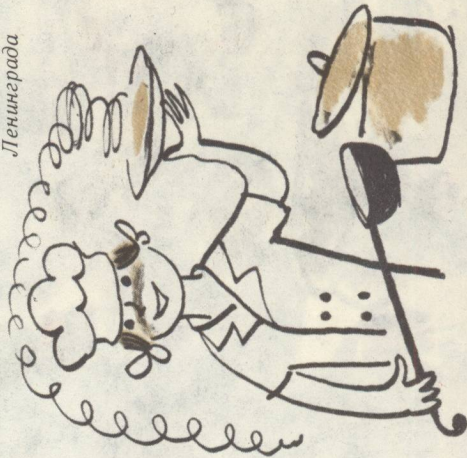
ПОЧТА
БАРАФАНА

Хочу вкусно
готовить

В самом начале учебного года я стала вожатой в первом «б» классе. У меня есть подруга Люба. И она тоже стала вожатой. Мы с ней вместе ходим к малышам. Уже научили их многим играм, песням. В моем классе все семь звездочек очень активные. Мы обычно проводим конкурсы по математике, русскому языку и даже просто на внимательность. Малыши очень любят слово «конкурс». Победителей всегда ждут награды: открытки, книжечка, красивый блокнот.

Мне теперь часто говорят: «Учительницей будешь!». А я не всем признаюсь, но знаю одно — больше всего мне хочется вкусно готовить еду. После восьми классов пойду в кулинарное ПТУ.

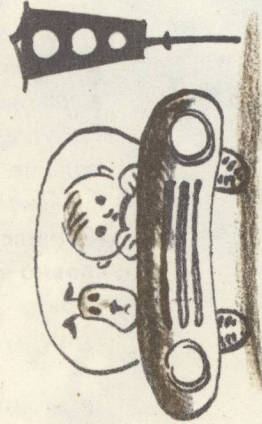
Таня Соколова,
6-й класс, 581-я школа
Ленинграда

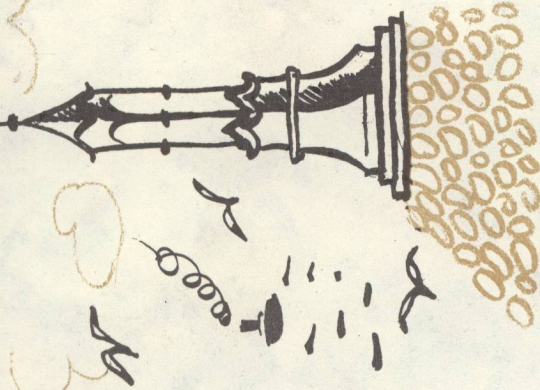
НАУЧУСЬ ВОДИТЬ МАШИНУ!

Хочу быть шофером, как мой отец.
Мой отец работает в таксопарке
давно, и я давно привык приходить
к нему на работу. Помогаю мыть
машину, подаю инструмент. Понемно-
гу начинаю разными моторами инте-
ресоваться, пытаюсь собрать мотор
из запчастей.

Виталий Краснов,
7-й класс, 234-я школа
Ленинграда

Мы живем в Новой Ладоге

Особенно легко запомнились такие строки:

Город мой, любовь моя, отграда,
Город мой крутой омыт волной.
Город мой — ровесник Ленинграда,
Город мой — солдат и часовой!
Пока мы искали стихи о Прила-
дожье, много нового узнали о своем
крае, о замечательных людях, кото-
рые живут и трудятся рядом с нами.

Валя Орлова и Лариса Спириова,
Новоладожская средняя школа

Мы участвовали в конкурсе: «Ты живешь на земле Ленинградской». Задание было простое — найти стихи о нашем крае, о Новой Ладоге. Посидели в библиотеке, полистали газеты и журналы, прочитали сборники стихов. И нашли!

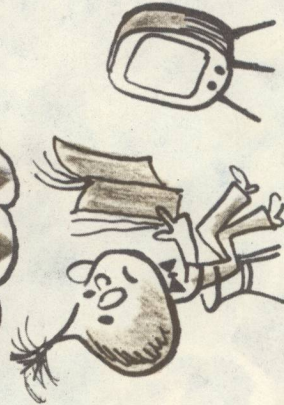
О нашем крае писал поэт Алек-
сандр Андреевич Прокофьев. Ока-
зывается, в этом году нашему городу исполняется 275 лет, он ровесник Ленинграда. Мы выучили к юбилею своего города стихи местного поэта Михаила Ивановича Петрова.

Хорошую фотографию прислал юнкор!
А вот свою фамилию сообщить забыл.
Ждем...

Весёлая Почта

Учитель:
— Проспрягай глагол «идти».
Ученик (еле-еле):
— Я иду... Ты идешь...
Учитель (подбадривает):
— Побойстрее!
Ученик:
— Он бежит. Мы бежим. Все бегут!

Учитель:
— Какие растения называются культурными?
Ученица:
— Те, которые ведут культурный образ жизни.

Прислала из города
Барановичи
Марина Шабан

Прислала из города Великий Устюг
Оля Анисимова

Мама:
— Не надевай бусы! Они тебе не к лицу!
Лиля:
— А я не к лицу, а к шее...

Прислала из села
Томской области
Мишанова Лена

Прислала из города Великий Устюг
Оля Анисимова

Марк ВЕЙЦМАН

МУЗЫКА

Кончено с музыкой. Прочь все заботы!
Продана скрипка. Проданы ноты.
Старая папка в чулане пылится.
В самую пору теперь веселиться.
В самую пору на лыжах кататься.
В самую пору в бассейн записаться,
Снасть починить для подледного лова.
Только не хочется, честное слово.
Снова и снова знакомых расспросы.
— Музыка? Что вы! Ведь я ее бросил.
Бросил я музыку, дело такое.
Бросил! Оставьте меня вы в покое!
...По тротуару бреду не спеша я.
Вот музыкальная школа... чужая.
Пусто на улице. Пусто в квартире.
Пусто и грустно без музыки в мире...

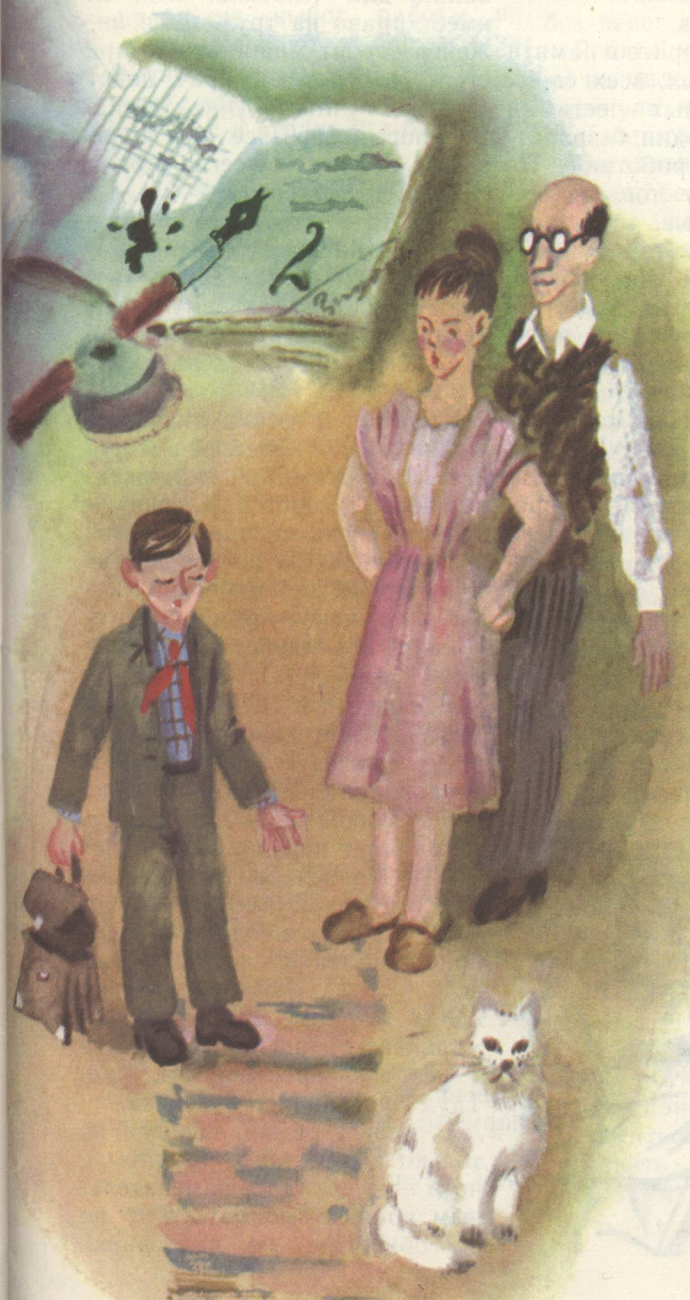
ПУСТОЙ УРОК

Учитель не явился в класс,
серьезно заболел,
но вряд ли кто-нибудь из нас
об этом пожалел.
Мы веселились,
Лишь потом,
не знаю, почему,
мне вдруг подумалось о нем:
а каково ему?
Вдруг к нам он
больше не придет?!
...А снег валит густой.
И длился долго,
словно год,
урок...
Урок пустой...

Я НЕХОТЯ СТУПАЮ НА ПОРОГ

Я нехотя ступаю на порог.
Не то чтоб папа был излишне строг.
Но вы бы посмотрели мой дневник,
исписанный и вдоль и поперек!
Я в кухню неуверенно вхожу.
Не то чтоб мать моя была сурова.
Но вы бы посмотрели мой дневник —
и поняли ее бы с полуслова.
Но у меня отличный аппетит!
И верный кот мурлычет из-под лавки.
Я знаю, знаю: после мне влетит.
Ну а пока что —
дайте мне добавки!

Рисунок П. Кузнецова

СТИХИ ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

ГОРНАЯ РЕКА

— Речка, речка — быстротечка,
Почему спешишь ты, речка,
Из ущелий на простор,
На поля с высоких гор?
И воды-то — по колено,
Но кипишь ты белой пеной!
В белой пене вся вода.
Ты куда спешишь, куда?
— К вашим я спешу ягням,
Дам напиться и козлятам,
Я по камушкам лечу —
Искупать ребят хочу.

*Натasha Букреева,
7-й класс, Зыряновск*

Я РИСУЮ

На окошке я сижу
И на улицу гляжу,
На окрестные дома,
На большие тополя...

Вот сижу я так,
Мечтаю:
Мне б скорее стать большой!
Я строителем бы стала,
Дом построила такой!..
В нем бы жили все ребята
С нашей улицы Морской!

Рисовала я б картины:
Города, леса, моря!
И писала бы я книги
Про тебя и про меня...

Ночь на улице давно,
Дождь стучит по крыше.
Только в комнате светло,
Мамин голос слышу:
— Оля, дочка, что с тобой?
Почему не спишь ты?
— Дом я строила большой.
Только он без крыши...

*Света Пулатова,
г. Жанатас*

ЗАКОН ТВОЕЙ ЖИЗНИ

Юрий ЯКОВЛЕВ

О прошлом вспоминают, о будущем мечтают, сегодняшним днем живут.

Сегодняшним днем живут, но иногда не замечают, чем примечателен сегодняшний день.

Взрослые идут на работу. Дети — в школу. Летом взрослые отдыхают, а у ребят каникулы. Все по строго заведенному порядку. Обычная жизнь!

Для того чтобы разобраться в том, чем же замечателен наш сегодняшний день, давайте внимательно задумаемся и не спеша полистаем страницы нашей Конституции — закона нашей жизни.

Без чего не может жить человек?

Без воздуха. Без воды. Без хлеба.

И еще человек не может жить без труда.

Осмотришься, взгляни на то, что тебя окружает: дома, железные дороги, самолеты, летящие быстрее звука, замечательные картины, цветущие сады, города, мосты, дороги, тетрадки и ручка на твоём столе, книги и музыка — все это создано трудом человека.

Трудом человека создано все самое прекрасное и все самое необходимое. Труд немислим без человека, а человек немислим без труда. Труд нужен человеку, как воздух, как вода, как хлеб.

Недаром в нашей Конституции написано:

«Граждане СССР имеют право на труд».

Право на труд? Разве на труд нужно право? Ведь каждый человек должен обязательно работать. И у каждого человека есть работа. Так думае-

те вы и не можете думать иначе.

А знаете ли вы, что такое «безработный»?

Приходилось ли вам когда-нибудь слышать от своего товарища: «Мой отец — безработный. Он не может найти работу».

Не приходилось.

А теперь переберите в памяти всех своих родных, всех своих взрослых знакомых — есть ли среди них хоть один безработный? Нет! Все работают. Не ходят на работу только пенсионеры и больные.

Само слово «безработный» звучит на нашем языке чужеродным, прямо-таки какое-то иностранное слово. Или очень старое, давным-давно вышедшее из употребления. Его бы вычеркнуть отовсюду и навсегда забыть. Но нет! Еще во многих странах миллионы людей не имеют работы — безработные. И каждый день газеты сообщают о том, что еще тысячи рабочих потеряли работу и стали называться страшным словом — «безработный». В странах, где правят капиталисты, человек не имеет права на труд, люди просят: дайте

хоть какую-нибудь работу. Грязную, тяжелую, вредную, без выходных! Инженер готов работать мусорщиком, слесарь рад устроиться мойщиком посуды, врач — ночным сторожем.

Теперь вы понимаете, как важно для человека, если он имеет право на труд. Если инженер строит машины, слесарь стоит у верстака, врач лечит больных, учитель учит детей... Все нормально, все как полагается. И у всех, всегда обязательно есть работа...

Вот это и есть право на труд.

Труд в нашей стране не простая работа, а творческая. Тот, кто относится к своему труду как к творчеству, добивается больших успехов, делает открытия.

Всем известно имя создателя космических кораблей Королева. Вся жизнь он напряженно работал, изобретал, ступенька за ступенькой приближался к своей цели. И вот он достиг ее — первый космический корабль с человеком на борту покинул Землю и устремился к звездам.

А известный труженик полей Мальцев всю жизнь работал на земле и на земле совершил свой трудовой подвиг. Он поставил перед собой цель — вырастить такой сорт пшеницы, который бы не боялся ни мороза, ни засухи и давал бы богатый урожай. С каждым годом Мальцев приближался к своей цели. И вот победа! Заколосилась на полях страны замечательная мальцевская пшеница.

Человек прославляет труд. Труд прославляет человека.

В нашей стране человек не только имеет право трудиться, но и еще обладает замечательным правом выбирать дело по способностям, по призванию.

Кем ты хочешь, тем и работай, научись сначала и — работай! Если у тебя способности к математике — становись инженером, по душе тебе родная природа — можешь стать агрономом или комбайнером. И это тоже записано в Основном Законе.

И получается, что работа не только приносит человеку хлеб насущный, зарплату, но и доставляет ему большую радость.

Вы слышали, как взрослые говорят:

— Я люблю свою работу!

Хорошо — делать любимое дело, хорошо — идти на работу с интересом и горячим желанием.

Все трудовые люди мира мечтают о праве на труд, о праве на выбор работы по душе. Мечтают и борются за осуществление этой мечты. А у нас эта мечта сбылась.

У нас в стране нет безработных.

У нас в стране нет безграмотных.

«Безработный» и «безграмотный» в нашей советской жизни слова чужеродные, вышедшие из употребления.

Я знал одного мальчика Санчо, который приехал в нашу страну из далекой Южной Америки и поступил учиться в московскую школу. Мальчик был хороший, старался, но русский язык давался ему туго, и тогда учительница предложила ему заниматься с ним дополнительно.

— Спасибо! — воскликнул мальчик. — Мы вам обязательно заплатим.

— За что? — удивилась учительница.

— За ученье.

— У нас дети учатся бесплатно.

Санчо не сразу поверил учительнице — он даже не представлял себе, как это можно учиться бесплатно, ведь в большинстве капиталистических стран за учебу надо платить деньги.

Однажды Санчо упал и ушиб ногу. Ребята тут же решили отвести его к врачу, но мальчик сказал:

— Не могу к врачу, у меня нет с собой денег.

— А зачем тебе деньги? — удивились ребята.

— Заплатить врачу. Ведь без денег он лечить не станет.

Ребята удивленно посмотрели на мальчика и только потом смекнули, что и лечение в странах капитала платное.

Бесплатно! Мы бесплатно учимся, бесплатно лечимся, не платим денег за посещение парков культуры, Дворцов пионеров, стадионов, кружков, даже представить себе не можем кассу у входа на спортплощадку или платный билет за посещение Дворца пионеров.

Хорошо, если бы то, что с удивлением заметил в нашей жизни мальчик из Южной Америки, почаще замечали бы наши ребята.

В нашем Основном Законе записаны все права советских граждан: право на труд и право на образование, право на отдых и право на медицинскую помощь, право на жилище и право участвовать в управлении страной. Но, хорошо зная свои права, гражданин Советского Союза не должен забывать и о своих обязанностях. Каждый гражданин обязан соблюдать Конституцию СССР, доблестно трудиться, бережно относиться к народному добру, укреплять могущество Родины.

А в статье 66-й — запомните эту статью — говорится: «Граждане СССР обязаны заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить до-

стойными членами социалистического общества». Эта часть статьи больше относится к вашим родителям. А к вам относится заключительная часть статьи 66-й — «Дети обязаны заботиться о родителях и оказывать им помощь».

Задумайтесь, юные граждане, над тем, как вы выполняете эту статью Конституции. Заботитесь ли вы о своих родителях? Оказываете ли им помощь? Ведь это ваша обязанность, и вы должны ее выполнять.

Да, в нашем Основном Законе записаны обязанности граждан нашей страны. Но есть одна необычная обязанность, а вернее, — священный долг.

«Защита социалистического Отечества есть священный долг каждого гражданина СССР».

Когда я читаю эти слова, то память невольно переносит меня в Брестскую крепость. И перед моими глазами встают герои, которые в первые же дни войны показали, как надо выполнять свой священный долг.

Я вижу мужественное красивое лицо капитана Шабловского. Когда у него кончились патроны и враги схватили его, он оттолкнул фашиста и, крикнув своим бойцам: «За мной!» — бросился в воду. Очередь фашистского автоматчика сразила его.

С оружием в руках погиб, выполняя свой священный долг, лейтенант Наганов. Когда после войны разбирали разрушенную башню, нашли останки доблестного воина. В его руке был зажат пистолет, а в кармане гимнастерки лежал комсомольский билет.

Комиссар Фомин, майор Гаврилов, капитан Зубачев, пограничник Кижеватов. Их имена должны знать каждый из вас, юные граждане страны, у них учиться выполнять свой священный долг.

Вчера. Сегодня. Завтра.

Прошлое. Настоящее. Будущее.

Три времени слились в нашем Основном Законе. И наше будущее создается сегодня.

Окончание следует

ВИНЕГРЕТ И АККОРДЕОН

Г. КЕМОКЛИДЗЕ

РАССКАЗ

Рисунки О. Филипенко

Когда мы с Леней Лукиным вместе готовим уроки, отметки у нас бывают одинаковые. В тот день мы оба получили по двойке. Конечно, двойки нам поставили неправильно. Хотя мы и сделали по шесть ошибок, но только в двух словах. Вместо «винегрет» мы написали «венигрет», а вместо «аккордеон» — «окардион». «Венигрет» я списал у Лени, а «окардион» он списал с меня. По справедливости нам нужно было поставить тройки. Ведь есть ошибки вынужденные, они зависят одна от другой. Я, например, точно знал, что в слове «винегрет» есть два «е» и одно «и». Когда я поставил после «в» букву «е», то уже вынужден был дальше поставить «и». Выходит, ошибся я как раз от знания. Так же получилось и у Лени со словом «аккордеон».

Когда отметки одинаковые, то и настроение одинаковое.

— Что-то домой идти не хочется, — сказал Леня.

— И мне тоже — признался я.

— Скучно — пожаловался Леня. — Заранее знаю, что мне дома скажут. Ничего нового. Отец сразу попросит дневник. Потом позовет маму. «А что получил твой друг Женя?» «То же самое». «Вам нельзя вместе делать уроки, раз это приносит такие печальные результаты».

— А ты скажи, что я получил «пять», — посоветовал я.

— Бесполезно, — вздохнул Леня. — Это даже хуже. Тогда они скажут: «Вот видишь — у него «пять», а у тебя «два»! Куда годится такое совместное приготовление уроков!».

— А у меня, думаешь, будет иначе? Эх, — вздохнул я. — Родители совсем не ищут новых подходов к детям. Нет, чтобы сегодня, например, устроить праздник по поводу моей двойки.

— А что тут веселого? — удивился Леня.

— Смотря как праздновать. Назвать его, например, проводами последней двойки. Папа

бы купил лимонаду, мама — торт. Вырезали бы мы из бумаги большую двойку и торжественно ее сожгли. При выключенном свете. Знаешь, как интересно бы получилось?

— Не пойдут они на такое, — сказал Леня. — Испугаются, что тогда этим последним двойкам конца не будет.

— Не пойдут, — согласился я.

Вдруг Леня вспомнил:

— Вот мне мальчишка один из нашего двора рассказывал, что в пятой школе всем ученикам за любой ответ ставят пятерки. Врет, наверное.

— Конечно, врет. Такого не может быть.

— Я тоже так думаю, — согласился Леня.

— А чего вдруг в этой школе будут ставить одни пятерки?

— Факт, незачем, — кивнул Леня. — Может, только если она экспериментальная.

— Вообще-то, однажды папа читал маме из газеты вслух, что школьникам не надо ставить двоек, — вспомнил я.

— Вот видишь! — обрадовался Ленья.

— Если ты веришь, что в этой школе ставят только пятерки, то мы можем туда сходить, чтобы тебя разубедить, — сказал я.

И Ленья возмутился:

— Я верю? Это тебе, я чувствую, хочется пойти проверить!

— Мне? Нашел простачка! — тоже возмутился я.

Хотя мы с Леньей и не верили, что в пятой школе ставят одни пятерки, но все же решили зайти в ту школу. Хотя бы для того, чтобы разоблачить мальчишку, который распускает неправильные слухи.

Когда мы подошли к пятой школе, там как раз кончились уроки. Нам навстречу шли ученики, на вид ничем не отличавшиеся от нас. Было бы очень обидно, если бы им ставили одни пятерки.

— Давай остановим одного и попросим показать дневник, — предложил я.

Мы стали высматривать ученика, у которого можно бы было посмотреть дневник. Но ребята шли все группами по нескольку человек. Наконец появился одиночка. Он весело посвистывал и размахивал портфелем.

— Привет! — Я преградил мальчишке дорогу. — Есть к тебе разговор.

Он остановился и с опаской посмотрел на нас.

— Ты не бойся, — успокоил его я. — Мы тебе ничего такого не сделаем.

— А я и не боюсь, — ответил он. — Тут наших ребят вокруг полно. Что вам надо?

— Покажи нам, пожалуйста, свой дневник, — попросил я.

Мальчишка ожидал чего-то другого и вытаращил глаза.

— Это зачем же?

— Да ты не бойся, — сказал Ленья. — Мы только посмотрим.

— Да что вы все — не бойся и не бойся! — разозлился мальчишка. — Как будто я боюсь!

Он расстегнул портфель и достал свой дневник в белой пластиковой обложке. У меня тоже раньше была такая обложка, но я изрисовал ее рыцарями и пистолетами, и мама купила новую, черную. Однажды папа сказал, что мой дневник и по форме и по содержанию похож на жалобную книгу.

В дневнике этого мальчишки на первой же странице сияли две пятерки. Дальше их было целых три. Потом еще две — по математике и русскому. Мы с Леньей понимающе переглянулись.

— Хорошо тебе живется, — сказал я, отдавая мальчишке дневник.

— Да, позавидуешь, — поддержал меня Ленья.

— А вам-то чего плохо? — спросил мальчишка, застегивая портфель.

— Нам-то похуже. За один и тот же ответ в вашей школе пятерку поставят, а нам по паре велят, — пояснил я.

Мальчишка очень удивился:

— Это почему же, интересно?

— А вот скажи по буквам «венигред», — предложил я ему, нарочно произнеся это коварное слово как можно неправильнее.

— Ви-не-грет, — четко произнес он. — После «в» обязательно ставится «и». Это слово французского происхождения — одного корня со словом «вино». «Вин» по-французски — «кислый».

Мы с Леньей переглянулись, но уже не так, как раньше.

— Ну-ка произнеси «ыкырдьен», — попросил Ленья. Он даже перешеголял меня, коверкая слово, чтобы запутать мальчишку.

— Ак-кор-деон, — четко произнес мальчишка. — Это тоже от французского слова. «Ак-корд» — «созвучие».

— Ладно, — сказал я мальчишке. — Счастливого. Мы пошли.

Но ему, видно, понравилось разговаривать с нами.

— Почему же пошли! — воскликнул он. — Я вам показал свой дневник, теперь вы покажите свои.

— Я дома оставил, — торопливо сказал Ленья.

— А я в школе, — сказал я.

— У нас в классе тоже есть такие забывчивые, — усмехнулся мальчишка.

— Наврал тот, с твоего двора, — трепач он! Но нас не проведешь! Не такие... — говорил я, глядя вслед мальчишке из пятой школы, который, посвистывая, шел своей дорогой.

НА ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Сереза Никитин

ГЕРОИ ОСТРОВА НАРГЕН

Вадим Григорьев

ВETERАН С ПРОСПЕКТА ВETERАНОВ

Василий Васильевич Васильев — участник штурма Зимнего дворца и один из первых ленинградских комсомольцев. С просьбами рассказать о своей жизни к нему обращаются пионеры со всех концов нашей страны. И мы подумали: «А что если на некоторые из этих писем Василий Васильевич ответит на страницах журнала!..»

«Дорогой Василий Васильевич!

У нас в школе проводится поисковая операция «Память огненных лет». Наш отряд работает по первому этапу операции — «Молодежь Нарвской заставы в годы революции и гражданской войны». Мы знаем, что Вы были одним из первых комсомольцев, много раз встречались с Васей Алексеевым. Напишите, пожалуйста, как все это было. Мы поместим Ваше письмо на самом видном месте в музее, для нас это будет очень ценный экспонат».

*По поручению 5 «в» класса
282-й школы Ленинграда*

Таня Федорова.

«Дорогие ребята!

Вы занимаетесь очень важной работой, молодцы. Но в письме трудно рассказать о создании питерского комсомола, это ведь большая, интересная страница нашей истории.

На Путиловский завод я пришел в 1915 году, а было мне в то время пятнадцать лет. Познакомился с такими же молодыми ребятами — Ванюшей Тютиковым, Петей Кирюшкиным, Колей Кудрявкиным, Ваней Скоринко. И, конечно, с Васей Алексеевым. Его все знали на заводе. Вася был вожаком молодежи, большевиком. Невысокого роста, худощавый, он никогда никого не боялся — ни заводского начальства, ни заставских хулиганов. Работали мы с ним в одной мастерской. Сначала он относился ко мне настороженно — присматривался. Потом стал давать мелкие поручения, и скоро меня приняли в кружок рабочей молодежи. Дали подпольную кличку Башка.

На Путиловском было два кружка рабочей молодежи. Нашим руководил Вася Алексеев. Нам поручали раздавать листовки, держать связь между мастерскими, а главное, разъяснять подросткам политические вопросы так, как учили большевики.

Встречались мы раз в неделю, по вечерам. Место занятий все время менялось — нужна была строжайшая конспирация. Летом соби-

рались в окрестных лесах, зимой приходили к кому-нибудь домой, будто бы на вечеринку.

Однажды мы собрались вблизи деревни Емельяновки. Вася Алексеев стал читать прокламацию. И тут послышался крик нашего дозорного — «Полиция!». Смотрим, со всех сторон бегут люди в черных шинелях. Мы, конечно, растерялись. А Вася говорит: «Вы что, в тюрьму захотели?». Сунул прокламацию в костер, взял гитару. И навстречу полицейским зазвучали слова песни:

Не два века нам жить, а полвека всего.

Если плакать, тужить, право, будет смешно... Подбегают полицейские, видят — ничего недозволенного, гуляют работяги. Так и ушли ни с чем.

В семнадцатом году в Нарвском районе была уже создана первая молодежная организация. Ее назвали «Социалистический союз рабочей молодежи». Помню, как на собрании обсуждали лозунг организации. Один анархист кричал: «Есть только один подходящий лозунг — „Трепещите, тираны, юноши на страже!“» Вася Алексеев отстаивал лозунг большевиков — «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Большинством голосов этот лозунг был принят.

А когда говорили о программе и уставе

союза, меньшевики пытались доказать, что рабочей молодежи нужно думать только о повышении своей культуры и ни в какую политику не вмешиваться. Конечно, никто их не поддержал. Были и смешные предложения. Один парень настаивал, чтобы в программе записали: «Каждый член союза обязан заниматься боксом». Самое интересное, с ним пришлось долго спорить.

Из моих друзей, о которых я вам рассказываю, уже никого не осталось. Нет ни Васи Алексева, он погиб на боевом посту в декабре 1919 года, ни Петра Кирюшкина, ни Вани Скоринко. Когда я получаю от вас письма, ребята, знаете, как радостно на душе становится! Значит, помнят о моих товарищах, значит, и я прожил не зря.

«...Мы очень любим читать о революции и знаем, что Вы тоже были революционером. Расскажите нам, как Вы выполняли задания подпольщиков-большевиков. Наверное, с Вами бывали всякие интересные случаи. Пишите по адресу: Молдавская ССР, г. Дрокия, школа-интернат, 4 «б» класс».

«Я расскажу вам об операции „Смерть чернилам!“. Однажды мне поручили раздобыть любым способом средство, которое смывает чернила. Зачем понадобилось это средство, объяснять не нужно. Многие большевики были в то время на нелегальном положении, требовались поддельные документы. А вот как достать это средство, я не знал. Товарищи подсказали: «Только в аптеках». И я стал действовать — ежедневно носить в аптеку газету «Новое время». Встречала меня обычно

хозяйская дочь. Ее звали Эля. Я представился ей учеником технического училища при Путиловском заводе. Постепенно девушка привыкла ко мне и встречала как старого знакомого, с улыбкой: «А, газету принесли...» А мне нужно было спешить, и я пошел «в атаку». Предложил сходить в кино. Она не отказалась, и наши прогулки стали почти ежедневными. Однажды я пришел на свидание мрачный. Спрашивает, в чем дело. И я «признался» — дескать, с учебой не ладится. Ставлю в тетрадях кляксы, нахватал «неудов». Вот если бы такой состав, чтобы чернила выводить...

Эля подумала и сказала, что у отца просить не будет — строгий очень. А вот крестный, пожалуй, сделает. Он тоже фармацевт. Дней через десять она принесла мне коробку с двумя пузырьками и сказала:

— Первым номером будешь смывать кляксы. Потом намажешь из второго пузырька и затрешь ногтем ворс...

Так закончилась операция «Смерть чернилам!». Были и другие истории, и если все это вам интересно, попробуйте достать в библиотеке мою книгу «Выросли мы в пламени», там я все написал».

«...Наша школа совсем близко от Кировского завода. Мы часто ходим в музей завода, дружим с экскурсоводом Антониной Дмитриевной Сизенцовой. Она рассказывала нам о Вас и дала Ваш адрес. Мы хотим пригласить Вас в гости на отрядный сбор, чтобы Вы рассказали нам о революции, о своих встречах с Лениным».

*Коровкина Оля, Емельяничик Костя,
Мансуров Андрей, Парамонова Люба.*

*Ученики 5 «а» класса 479-й школы
Ленинграда*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ВСЕСОЮЗНЫЙ ЛЕНИНСКИЙ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

КОМСОМОЛЬСКИЙ БИЛЕТ
№ 23723244

Фамилия Васильеву
Имя и отчество Василию Васильевичу
Год рождения 1900 г.
Время вступления в ВЛКСМ 1917г.
Наименование организации, выданный билет Кировский район ВЛКСМ

Место или фотоаппарат Ленинград
Секретарь Райкома Орлов
22. апреля 1958 г.
(время выдачи билета)

«Обязательно приду к вам в гости, ребята. Я два раза видел Владимира Ильича Ленина, слышал, как он выступает. Первый раз это было третьего апреля семнадцатого года, когда Ильич приехал в Питер и мы, рабочие, встречали его на Финляндском вокзале.

Второй раз я услышал Владимира Ильича на Путиловском. У нас часто бывали митинги, и заводская молодежь принимала в них активное участие. У подростков даже было свое постоянное место — крыша конторы, недалеко от трибуны. В тот день, когда узнали, что на завод приедет Ленин, мы заранее расселись на крыше. Наш вожак, Вася Алексеев, стоял у самой трибуны и подавал нам условные знаки. На трибуне путиловский большевик призывает кончать войну, а Вася делает условный знак. Мы хором кричим: «Правильно! Верно!». Министр временного правительства Чернов ругает большевиков, а мы на разные мотивы заводим бесконечную песню: «Ночь пройдет, настанет утро, минет утро, будет день, день пройдет, настанет вечер, минет вечер, будет ночь...» Остальные свистят. Некоторые рабочие, которые за меньшевиками и эсерами шли, швыряют в нас гайки, камни, но мы тут же отправляем их назад.

Когда на трибуну поднялся Ленин, огромная толпа рабочих затихла. Он говорил о том, что нас волновало больше всего — о земле, мире. Ленин призывал рабочих бороться за то, чтобы власть перешла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Владимиру Ильичу как аплодировали, что даже заглушили гудок заводского паровоза».

«Ваш адрес мы узнали от наших ленинградских друзей, с которыми переписываемся. Они нам сообщили, что Вы были красногвардейцем, штурмовали Зимний. Очень хотелось бы узнать обо всем подробно. С пионерским приветом члены клуба интернациональной друж-

бы «Огонек». Наш адрес: Болгария, город Сливен, ул. Чайковски, д. 16».

«С удовольствием расскажу все, что помню. В Красную гвардию я вступил в семнадцатом году по рекомендации цехового комитета Путиловского завода. Технику я любил с детства, поэтому попросился в пулеметную команду. В те дни рабочая молодежь всех районов проходила военную подготовку. Опытные фронтовики и участники революции 1905 года обучали нас вести бои на улицах, на баррикадах.

Пришло время, и Военно-революционный комитет отдал приказ — восстание начинать 24 октября. Днем был взят Главный телеграф, отряд Выборгской стороны захватил Финляндский вокзал и овладел Литейным мостом. Наш отряд получил приказ — выступить утром 25 октября к Зимнему. На улице Морской нас остановил какой-то матрос. Предъявил мандат Военно-революционного комитета и приказал идти на Дворцовую, к арке Главного штаба. А нас, пулеметчиков, отправил к Адмиралтейству. Пулемет мы установили между Адмиралтейством и оградой Александровского сада. Огляделись. Зимний дворец рядом. Подступы забаррикадированы поленицами дров. Оттуда непрерывно стреляли из пулеметов и ружей. Погода была скверная, шел снег попеременно с дождем, на площади грязь. Мы ежились от холода. На мне болтался отцовский пиджак, перепоясанный патронташем, на ремне висел в кобуре наган. Я был назначен начальником пулемета. Костя Васюков, первый номер, и Петя Рыхлов, второй номер, в курточках и тоже продрогли. Самый маленький, Витя Мухин, чуть не по макушку влез в поднятый воротник пальто. У всех грудь в пулеметных лентах. Мы были готовы к штурму.

Около десяти вечера раздался выстрел со стороны Петропавловской крепости. И вслед за ним сразу же грянула «Аврора». Это был сигнал к штурму. Мы рванулись вперед. Юнкера встретили нас яростным огнем.

Пользуясь темнотой, мы переносили пулемет все ближе и ближе к поленице дров. К часу ночи мы уже приблизились на расстояние последнего броска. Пулемет наш замолчал — кончились патроны. Потому в Зимний я со своей несовершеннолетней командой ворвался уже без выстрелов. Даже наган мой был пустой.

Домой я пришел утром. Поесть не успел, рухнул в постель и проспал целые сутки. Когда проснулся, отец спрашивает:

— Где трое суток пропадал?

— Зимний брал, — говорю.

— Зимний? — переспросил отец. — Ну, тогда садись обедать...

И только от него я узнал, что в газетах уже напечатаны ленинские декреты о земле и мире. И что власть в стране стала наша, рабоче-крестьянская».

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Всесоюзный Ленинский Коммунистический
Союз Молодежи

Ордена Трудового Красного Знамени комсомольская
организация производственного объединения
«КИРОВСКИЙ ЗАВОД»

XXXII комсомольская конференция

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ № 324

Уважаемый(ая) *Васильев В.В.*

комитет ВЛКСМ приглашает Вас на XXXII отчетно-выборную комсомольскую конференцию.

Секретарь комитета ВЛКСМ *В.В. Васильев*

Открытие конференции 19 ноября 1977 г. в 9-00
в ДК им. И. И. Газа

Предъявление партийного или комсомольского
билета обязательно

МУСЕНКА

Теперь-то никто и слова такого не знает — «мусенка». И даже в Архангельске, где мне приходилось мусенку хлебать, это слово уже не помнят... Но это и хорошо...

Варили мусенку в войну. В кипяток бросали ржаную муку, горсть перловки, каплю жира. Но это была еще не мусенка, а просто болтушка. Мусенкой ее делали клецки из той же ржаной муки. Они были ощутимой частью мусенки, их можно было есть, жевать, глотать... Первостатейная была еда!

Выдавали мусенку в столовых, и не всем, а рабочим, тем, кто работал по первой категории — на оборону...

У нас мусенка полагалась деду, а делилась на четверых. Трое было у дедушки иждивенцев: бабушка, Женька, их поздний-поздний ребенок, и я, дедушкин внук.

Смешно сказать, но Женька приходился мне дядей, хоть старше меня был всего на девять месяцев. Но он был выше меня и крепче, и всегда давал понять, что он — дядя, а я — племянник. И любил командовать. Я никогда в жизни не любил, чтобы мною командовали. Только он начинал командовать, я сразу находил что-нибудь смешное в его словах или в нем самом. Это его страшно злило. Иногда мы дрались, но я был ловчее его и однажды головой выбил ему передний зуб.

Зато Женька всегда захватывал лучшую печурку. Печурки — это ниши такие в печке. Печка в дедовом доме была громадная, а в ней — печурки. В них сушили веники, валенки и одежду. Печь бабушка топила рано-рано и понемногу — берегла дрова, но старинная печь и это тепло сохраняла хорошо. В печурках можно было сидеть и греться.

Самая теплая печурка была поближе к за-слонке. Ее Женька и захватывал. Мне доставалась печурка похолоднее.

За мусенкой ходили мы с Женькой вдвоем — это была наша обязанность. Женька нес кастрюлю, к которой дед приспособил сверху удобный ремень, а я ходил на всякий случай: у одного мусенку могла в два счета отобрать солобальская шпана.

В ту зиму в Архангельск приходили корабли союзников. Это было неплохо: у английских моряков можно было выменять шоколад. Союзники меняли не просто на что попало, а

только на червонцы. Что можно было тогда купить на червонец? Килограмм масла на базаре стоил тысячу рублей... Короче, у Женьки и у меня на случай встречи с союзниками было заначено по червонцу — новенькому и хрустящему.

Одно было плохо: англичан было мало, а таких, как мы с Женькой, — много. За всю зиму нам повезло лишь однажды, да и то червонец был Женькин. Мне достался один батончик, а таких батончиков в плитке было шесть...

В тот день мы с Женькой тоже пошли за мусенкой. Было холодно. Мело колючим снегом, и мы до столовки бежали бегом. На раздаче мусенки нам налили чуть не две трети кастрюли. И клецек шлепнули — мы посчитали — двенадцать штук....

Обратно мы шли шагом: с таким грузом не побежишь. Нести мусенку мне Женька не давал; не доверял. И я хоть и просил у него в тот день: «Дай, дай понесу!» — он ни в какую. Так что я, словно эсминец рядом с груженным пароходом, эскортировал его, то забегая вперед, то отставая.

Так мы добрались до стадиона. А около стадиона я увидел англичан. Их было трое — молодых, сытых, веселых английских матросов. Они свернули к проспекту Павлина Виноградова и прибавили ходу.

— Женька! — крикнул я. — Союзники идут! Маричманы! Бежим, пока никого нет...

Мы побежали.

Я бежал, конечно, медленно, но еще медленней топал позади меня Женька. Но нам казалось, что мы мчались, как ненормальные...

И вдруг я увидел проволоку. Какой дурак натянул ее между столбами и зачем, — не представляю... Я живо перепрыгнул через нее, но сзади бежал Женька... Он видел только англичан с шоколадом и меня, который опередил его... А проволоки не видел. Женька зацепился за проволоку, упал в снег, и я, оглянувшись на шум, увидел, как покати́лась кастрюля. Англичане тоже обернулись и остановились, так что я чуть не налетел на них.

— О! — сказал один. Он еще что-то сказал по-своему. Я, конечно, ни бельмеса не понял, и они, все трое, заулыбались и закачали головами. Сочувствовали нам, наверное...

Про шоколад я забыл. Я смотрел на Женьку, который плакал, стоя на четвереньках, и на разлившуюся мусенку. Снег под кастрюлей стал коричневым. Удивительно, как быстро все

вылилось из кастрюли. И тут я подумал, что будет дома вечером, когда придет с работы дед! Меня-то дед пальцем не трогал, зато Женьку драл... И еще дед скажет маме... Тогда достанется и мне... Уж точно достанется. Первым-то англичан увидел я...

Союзники те посочувствовали и пошли своим путем, а мы остались собирать клецки.

— Нужно было тебе бежать, — всхлипывал Женька. — Как домой-то идти?

Я молчал. Я не очень считал себя виноватым, а Женьку мне было жаль. Смешного тут уж ничего не было.

Еле-еле мы поплелись домой. Бабушка сразу

А Женька залез в свою печурку, сел там согнувшись, как статуя какая-нибудь, и ничего не говорил. Но я знал, что он думает, что худшее еще впереди... Черт нам послал на дороге союзников! Тем более что никакого шоколада мы не выменяли.

Когда вечером пришел дед, я сказал, что мусенку разлил я. Упал, мол, и разлил. И все... Дед ничего не сказал. И маме моей ничего не сказал...

Конечно, мы пережили этот день, как пережили всю долгую войну... Назавтра мы с Женькой снова пошли за мусенкой, и послезавтра, и послепослезавтра...

поняла, в чем дело, когда увидела в кастрюле обваленные в снегу жалкие оставшиеся клецки... Как она ругала Женьку! Она даже назвала его дармоедом. Родного-то сына! И разве ей можно было объяснить про союзников? И про шоколад?

И хоть по-прежнему кастрюлю всегда носил Женька, лучшую печурку он отдал мне. И никогда мною больше не командовал...

И если еще кто-нибудь из людей и помнит о мусенке, кроме меня, так это, я думаю, он, Женька...

ФЛАЖКИ НА КАРТЕ

Спать мне бабушка стелила на диване, в большой комнате, которую мы называли гостиной.

В этой комнате у окон стояли высокие ветвистые фикусы, а в широком, между окнами, простенке висела карта мира. Все страны на этой карте были разного цвета. Германия, например, — темно-коричневого, Италия — сиреневого, Испания — розового...

Фашисты уже наступали всюду. Они захватывали город за городом, а наши, как передавали по радио, наши отступали с тяжелыми потерями...

Каждый вечер дед, вернувшись с судоремонтного завода и отогревшись, подходил к этой самой разноцветной карте и смотрел на нее, изучая, словно какой-нибудь полковдец...

Вся линия фронта, где наступали фашисты, была на карте утыкана флажками. Дед сделал их из канцелярских булавок и синей бумаги.

Каждый день дед передвигал их к востоку соответственно вечерним сводкам, которые читал Левитан.

— Охо-хо, — говорил дед, брал огрубевшими от металла и мороза пальцами маленький флажок, словно синего мотылька, и втыкал в новое место на карте.

— Охо-хо, — повторял он сокрушенно и качал головой.

А бабушка ничего не говорила, она только взглядывала на карту поверх очков и, быстро-быстро шевеля пальцами, продолжала вязать для дедушки толстые носки из довоенной шерсти.

И я, натянув до носа одеяло, тоже смотрел на карту и думал.

Где-то севернее Москвы воевал мой отец. Он был летчик, и от него перестали приходить письма. Я не верил, что фашисты могут его убить, он ведь был высокий и сильный. И очень хороший летчик. А бабушка, наверное, думала о своих детях, которые были в армии и во флоте и воевали на разных фронтах. Их у бабушки было шестеро сыновей, не считая Женьки. Женька был седьмой. Бабушка с дедушкой обзавелись им, можно сказать, на склоне своих дней...

— Ишь ты, — говорил дед, все еще разглядывая карту, словно подыскивая какое-нибудь военное решение. — Техничкой давит. Точь-в-точь, как в шестнадцатом, в Ирбенском проливе...

В шестнадцатом году дед, по рассказам бабушки, служил на миноносцах и был в самых жарких боях с кайзеровским флотом... Потому-то он и вспомнил про Ирбенский пролив, где они показали немцам.

День за днем флажки все упорнее двигались

на восток, и мне казалось, что это полчища врагов со знаменем ползут по нашей карте. Дед больше не вспоминал про Ирбенский пролив. Приходил он совсем усталый. Он чинил и латал корабли, пробитые фашистскими бомбами, и работы становилось все больше.

В конце ноября дела стали совсем плохи: фашисты подошли к Москве. По флажкам было видно, что они обходят ее, окружают и вот-вот захватят...

Для меня Москва была городом моего самого раннего детства, городом мягкого пушистого снега, городом домашнего уюта, довоенной жизни. И потом — в Москве был Кремль и мавзолей Ленина.

Москва была Москвой...

И вот флажки остриями булавок уже искололи Можайск и Елец, Крюково и Дорохово...

Дед потемнел лицом, а бабушка похудела и осунулась.

Приходил дед так поздно, что и сводку не мог прослушать, и бабушка записывала для него, какие города наши оставили в этот день. И дед передвигал флажки...

В тот вечер, как обычно, бабушка уложила спать меня и Женьку — Женьку в комнате наверху, а меня на диване в гостиной.

Но я почему-то не мог уснуть, и когда бабушка заворчала на меня, я притворился, что сплю, а сам все думал, думал и думал...

Я думал, что жаль, что мы с Женькой еще маленькие, а то стали бы пулеметчиками и тогда не сидели бы здесь, в Архангельске, а стреляли бы по фашистам. Может быть, там, под Москвой, было мало наших... Или много полегло в боях? А то бы пошли в партизаны и пускали под откос эшелоны с танками. Или я бы летал на истребителе и сбивал фашистские самолеты. И на фронтовом аэродроме мог бы повстречать отца... Где он теперь, мой отец?

И так я обо всем этом думал и вдруг увидел, как бабушка, которая никогда к карте не подходила, тихо-тихо, чтобы меня не разбудить, подставила к карте табуретку — бабушка была ведь маленького роста, не то что дедушка — и взобралась с трудом на эту самую табуретку. Потом она осторожноенько самый близкий от Москвы флажок взяла да и переставила чуть-чуть подальше от Москвы. И еще один флажок, подбиравшийся к нашей столице, тоже отодвинула немножко... И когда с завода пришел дед, бабушка сказала — я-то проснулся и все слышал — она сказала, что сводку не записала, потому что на фронте без особых перемен...

— Гм, — сказал дед, подходя к карте. — Если без перемен, значит уже хорошо...

«Как же без перемен? — подумал я, засыпая. — Что же это бабушка путает? Ведь наши оставили Можайск... И отошли с тяжелыми боями...»

Но тут я заснул совсем и не додумал до конца.

А бабушка и на следующий день сказала, что без перемен, и на третий день тоже... А радио взяла и выключила совсем, так что мы с Женькой не слушали сводку.

Бабушка разрешила нам стрелять друг в друга брусничкой из трубочек и дала целый туесок брусники. И мы с Женькой весь день только этим и занимались.

Но вечером, ложась спать, я вдруг подумал: «А зачем бабушка выключила радио?» И я весь затаился под одеялом от этой мысли. И тут пришел дед. Сегодня он пришел пораньше. Бабушка сидела тихо и вязала носок.

— Мать? — спросил дедушка. — А что там

у нас осталось от муки? Вроде бы ячменной немного оставалось? Испеки-ка завтра шанежки.

— Тише ты, разбудишь, — сказала бабушка и показала на меня. Она думала, что я сплю.

— Ничего, — сказал дед. — А вы что, сводку что ли сегодня не слышали? У нас на заводе всем читали. Под Москвой началось контрнаступление!

— Ну что ж, — сказала бабушка. — Иначе и быть не могло...

И она отложила свое вязание, встала и пошла посмотреть, не осталось ли у нее муки на шанежки.

И тогда я понял все.

„ПАРУСА“ ПОД МОСТОМ

МАЛЬЧИШКА И ИНЖЕНЕРЫ

Рассказывают случай: однажды тяжелогруженный грузовик застрял под низкими воротами старого дома. Каких только советов не наслушался незадачливый шофер от окруживших его зевак! Был даже такой — разобрать машину по частям, а потом заново собрать ее под открытым небом. Кто-то намеревался разломать часть дома. Кто-то предлагал разобрать мостовую...

И все-таки удивительно простой выход был найден. Знаете, что сказал вертевшийся под ногами у взрослых мальчишка? Приспустить у автомобиля шины.

Какой из этой истории вывод? А такой, что и мальчишки не хуже взрослых способны решать технические задачи. Лишь бы задача была представлена доступно, наглядно.

Сейчас мы хотим рассказать вам о том, как обыкновенный восьмиклассник из города Барановичи Виталий Петровский справился с задачей, которой занимались, но так и не смогли ее решить, поколения инженеров. Что такое придумал Виталий? Мост с «парусами».

ГДЕ У КОРАБЛЯ ШИНЫ?

Из Балтики по Неве, через Ладожское и Онежское озера, по многим каналам и рекам идет к Каспийскому морю грандиозный Волго-Балтийский морской водный путь имени В. И. Ленина. Десятки судов с важным грузом, как по команде, у ленинградских мостов притормаживают. Чтобы пройти под разведенными мостами, им отведено небольшое время и только ночью. Но растут караваны судов, вот-вот наступит время, когда Нева не сможет их всех пропустить за отведенные часы.

Как быть? Увеличить время разводки мостов? Но тогда город будет надолго рассечен на

двое. А это не пустяк. Ночью ведь перевозят грузы не только суда, но и автомобили. А если вдруг застрянет на том берегу «скорая помощь»? Или не поспеют на срочный вызов пожарные?..

Как и в истории с грузовиком от разных специалистов поступало много советов. Одни предлагали сделать все мосты высокими. Им возражали: некрасиво. Другие — перевозить днем корабли в объезд, по суше. Им говорили: дорого. Третьи выдвигали идею превратить надводный флот в подводный.

Вспомнили, в конце концов, находчивого мальчишку и шины.

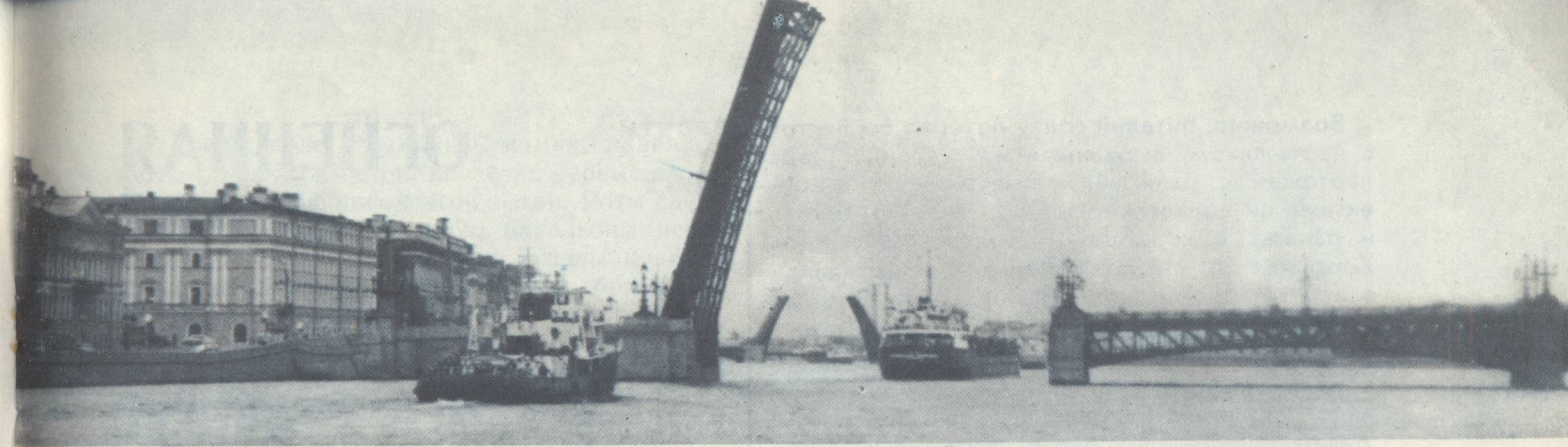
— Идея! — воскликнул изобретатель. — Нева — река глубоководная. Даже у больших кораблей, которые заходят в нее, всегда остается много футов под килем. Выходит, что можно «приспускать кораблям шины», а иначе, при подходе к очередному мосту временно их... притопить!

СУДНО-КЕНГУРУ

В распоряжение речников инженеры предложили отдать удивительное судно — широченное, длиной с футбольное поле, совсем без палубы. Его верхняя часть, словно у айсберга, лишь чуть-чуть выглядывает из воды. Между бортами плещется глубокое озеро.

Вообразим такую картину. Чудо-судно дежурит в устье Невы, там, где она впадает в Финский залив. На горизонте показался огромный грузовой теплоход, идущий вверх по реке. Тотчас на корме нашего «озера с винтами» гостеприимно распахнулись большие ворота. Теплоход заходит в этот огороженный водоем, и створки ворот за ним сразу захлопываются.

Теперь к работе приступают могучие насосы, которые заставляют внутреннее «озеро» быстро обмелеть. Морской гигант опустился на самое дно удивительного сооружения — из-за бортов едва видна его труба.

Теперь, когда пустотелое судно с плавающим в нем необычным грузом смело двинулось вперед, ему уже не страшны никакие мосты.

Миновав девять мостов Большой Невы, судно, словно мама-кенгуру, выпускает теплоход из недолгого заточения на волю. Здесь оно снова заключает в свой стальной «мешок» другой корабль и плывет с ним на этот раз вниз по реке.

— За день судно-кенгуру сделает три круговых рейса, проведет под мостами шесть судов. Мало! — заявили конструкторам капитаны.

— Да и дорогое получается удовольствие! — поддакнули экономисты.

Но инженеры не сдавались.

— Давайте, — говорили они, — устроим тогда под каждым мостом шлюз. Подойдет океанское судно к низенькому мосту, поднырнет под него с одной стороны и вынырнет с другой. Как утка.

— Нет, — возразили архитекторы. — Шлюзы обезобразят всю красоту невской стремнины.

— А может быть, — высказали инженеры предположение, — тогда пробить тоннель под рекой?

ПОДВОДНЫЕ „ПАРУСА“

Тут-то и вмешался в спор школьник из белорусского города Барановичи. Ему не пришлось для этого ехать в Ленинград. Скажем

больше: Виталий Петровский до той поры ни широкой реки, ни тем более моря в глаза не видел. А про спор инженеров он вычитал в журнале «Юный техник», который уже давно пристрастился читать, как говорится, от корки до корки.

Вечером Виталий познакомился в журнале с доводами всех спорящих, а уже утром, на уроке химии (да простят учителя Виталия за такое признание), он сделал чертеж именно того, что мостостроителям требовалось.

Это был все-таки мост. Разводной, но не такой, как все до сих пор существующие. Он стоял поперек реки на мощной гранитной опоре — как большая стрелка компаса. И открывался при необходимости с такой же легкостью, с какой крутится на оси магнитная стрелка.

Скорость и простота раскрытия мостового пролета — в этом и заключался замысел молодого конструктора. До сих пор все мосты «взмахивали» своими «крыльями» медленно, к этому событию их готовит большой штат людей. Могучие электромоторы тянут вниз противовесы. И дорога над водой взмывает ввысь, будто «шея» колодезного журавля.

Но мосту Петровского дать дорогу кораблю не сложнее, чем на перекрестке убрать красный свет светофора и зажечь зеленый. Потому что этот мост — «с парусами». «Паруса» — это большие стальные щиты, которые располагаются по концам моста-«стрелки». Стоит поставить один щит поперек течения, и мост тут же гостеприимно откроется, освобождая путь для судов.

Мы захотели поставить мост на место. Извлекаем из воды один «парус» и опускаем в воду другой — под углом к течению. И снова река быстро делает свое дело. Шоферы, заводите моторы! Мост закрыт, проезд свободен!

Возможно, Виталий сразу потерял бы листок с чертежиком, вырванный из тетрадки. Ведь чертежей с разными фантастическими проектами он делает множество. Там и самолеты, и ракеты, и корабли, и тракторы, и краны. Хорошо еще, что кое-какие рисунки откладывает в папку — «для истории» — друг Виталия Геннадий Сырица. Но на этот раз вышло по-иному.

— Виталька, вот здорово ты придумал! — закричал, вглядываясь в рисунок, Сырица. — Давай пошлем твои паруса в редакцию.

Не менее восторженно оценили идею восьмиклассника и сотрудники журнала «Юный техник». Чертеж школьника они отправили в Государственный комитет по делам открытий и изобретений при Совете Министров СССР. Ответ оттуда был получен благоприятный — подобных мостов еще никто в мире не строил и не проектировал. Автору замечательной инженерной идеи было выдано авторское свидетельство за номером 603727.

Ценный пакет из Москвы, где лежало удостоверение изобретателя, уже не застал Виталия в школе. Он поступил в городское профессионально-техническое училище металлостроителей. Решил учиться на токаря.

А нынешним летом изобретателя Виталия Мечиславовича Петровского вызвали на совещание в Ленинград.

Стояли белые ночи, и ученые повезли Виталия по Неве, чтобы показать ее прекрасное ожерелье из больших и малых распахнутых мостов. Побывал он и на пультах управления мостами, осмотрел изнутри механизмы разводных пролетов. А на Дворцовом мосту сфотографировался.

Потом Виталий Петровский сделал доклад на ученом совете Научно-исследовательского института мостов, который почтили своим присутствием крупнейшие мостостроители нашей страны. Выступая вслед за Виталием, профессор Василий Иванович Гнедовский отметил:

— Строить мосты по чертежам Петровского очень выгодно, потому что при разводке они не требуют затрат электроэнергии.

— Я подсчитал и другое, — добавил профессор Юрий Георгиевич Козьмин. — Для обслуживания такой переправы людей понадобится ровно в четыре раза меньше.

— Именно поэтому, — заключил обсуждение заведующий кафедрой мостов Института инженеров железнодорожного транспорта доцент Юрий Макарьевич Сильницкий, — наши студенты уже разрабатывают в дипломных проектах мосты Петровского для нескольких рек страны. А сам автор, когда завершит обучение в ПТУ, будет в нашем вузе желанным студентом!

В. ЧЕТКАРЕВ

ПРОЧИ
ЭТУ
КНИГУ

ОГНЕННАЯ ЗЕМЛЯ

ЛЕОНИД
ИЛЬИЧ
БРЕЖНЕВ

МАЛАЯ
ЗЕМЛЯ

Лето. 1943 год. Черное море.

Завидя гору Дооб, что возвышается невдалеке от Новороссийска, мы сворачивали кругом в море и шли туда, где голубая полоска берега обрывалась, где был вход в Цемесскую бухту.

Всю ночь корабль, затемненный и настороженный, ходил переменными галсами. У орудий и пулеметов наготове стояли матросы. Они всматривались в темноту: не идет ли враг?

Берег вспыхивал зарницами артиллерийских залпов, светил багровыми огнями пожаров. Когда мы подходили к нему ближе, на фоне красного пламени становились видны черные силуэты домов.

Мы охраняли от фашистских катеров занятый нашим десантом берег, охраняли единственный — морем — путь к нему. Маленький пятачок под Новороссийском, занятый десантом, назвали тогда Малой землей.

Мы знали: именно сейчас, под покровом темноты, через бухту, приглушив моторы, плывут к десантникам один за другим мотоботы и сейнеры, везут подкрепление — солдат, везут патроны и еду. А навстречу плывут разгрузившиеся — и на палубах их стонут раненые.

Малая земля — это был не просто непрерывный бой. Это был бой в окружении: с трех сторон вода, с четвертой — враг. Он наступал.

«Горела земля, дымились камни, плавился металл, рушился бетон, но люди, верные своей клятве, не попятись с этой земли. Роты сдерживали натиск батальонов, батальоны перемалывали полки. Накалялись стволы пулеметов, раненые, оттолкнув санитаров, бросались с гранатами на танки, в рукопашных схватках бились прикладами и ножами. И казалось, нет конца этой битве». Эти строки написал в книге «Малая земля» Леонид Ильич Брежнев, Генеральный секретарь ЦК КПСС, а в те трудные дни — начальник политотдела 18-й армии, той самой армии, части которой держали оборону на клочке черноморской земли.

В окопах, блиндажах, под огнем и в редкие минуты затишья можно было видеть его среди десантников. Политработник, коммунист, боец — он находился всегда в гуще событий.

Книга начинается волнующим эпизодом. Враг готовит новое наступление, начальник политотдела спешит ночью на сейнере на Малую землю, чтобы быть вместе с бойцами, когда фашистские снаряды и бомбы обрушатся на передний край обороны.

«В любую минуту мы ожидали удара, и тем не менее удар оказался неожиданным. Я даже не сразу понял, что произошло. Впереди громынуло, поднялся столб пламени, впечатление было, что разорвалось судно. Так оно в сущности и было: наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх. ...Упал, к счастью, в воду, довольно далеко от сейнера. Вынырнув, увидел, что он уже погружается. Часть людей выбросило, как меня, взрывом, другие прыгали за борт сами».

Через некоторое время спасенные бойцы добрались до Малой земли. Вместе с ними вышел на берег и начальник политотдела. Вышел навстречу новому бою.

Каждый, кто участвовал в войне, не может без волнения читать страницы этой книги. Особенно, если и ты был участником боев под Новороссийском.

Книга выпущена в свет издательством «Детская литература». Она прекрасно оформлена. На рисунках художника П. Кирпичева — идут в бой солдаты и матросы. Они идут по выжженной солнцем и снарядами земле. До войны там были виноградники. На рисунке нет виноградных лоз.

На Малой земле теперь стоят девятиэтажные дома. В музее воинской славы экскурсовод рассказывает школьникам о подвиге десанта.

За окнами — молодая курчавая зелень. Здесь снова растет виноградник.

О героизме воинов Малой земли должны знать все.

**С. САХАРНОВ, писатель,
во время войны — лейтенант, штурман,
командир катера**

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания — 22-ой

СЕКРЕТНАЯ ТЕЛЕГРАММА

РАССКАЗ

Если взять карту Балтийского моря, нетрудно отыскать Финский залив... Берега изрезаны бухтами и бухточками. В них, в удобных местах, — прибрежные поселки и портовые города. Если плыть вдоль северного берега, приплывешь в красивый город Хельсинки... Это сейчас он называется — Хельсинки, а в дореволюционные времена назывался — Гельсингфорс, и была здесь сильная военно-морская база русского царского флота. Флот у царя был немалый: только на Балтике — 690 кораблей! Но царь боялся моряков... Еще бы! То восстание на «Потемкине». То на «Очакове». То бунт на линкоре «Гангут»...

И вот наступил октябрь 1917 года...

Полные ожидания дни в России. Тревожные темные ночи... В гельсингфорском порту, словно темные скалы, стоят на рейде броненосцы. Нет-нет да и вспыхнет прожектор, осветит причалы, низкие миноносцы возле пирсов, белые облачка пара над машинными трубами, людей на палу-

бах. Блеснет штык или иллюминатор в свете прожектора и снова — тьма...

Город спал, но на кораблях не спали. Не спал царский адмирал, ставленник Временного правительства. На своем корабле он собрал верных офицеров. Верный человек был посажен и в телеграфную рубку: перехватывать все телеграммы из Петрограда в Гельсингфорс...

Кроме адмиральской власти, на флоте была власть революционных моряков — Центробалт. А адмирал, как мог, Центробалту мешал: то саботирует приказы Центробалта, то время выгадывает, то прикажет на кораблях механизмы разобрать — якобы для ремонта... От Временного правительства адмиралу было указание: следить за настроениями на флоте и главное, чтобы корабли в столицу не пускать... Керенский моряков боялся...

На «Полярной звезде», корабле штаба Центробалта, у аппаратов тоже радисты: слушают Питер...

Час за часом справляется адмирал: что телеграммы? «Ничего опасного, — докладывают ему, — одна телеграм-

ма об отгрузке угля, другая — о повышении жалованья офицерам, а в третьей — просят выслать какой-то устав...»

«С ума они там походили, что ли? — думает адмирал. — Какой еще устав? Не до уставов сейчас...»

Под утро поднялся адмирал на палубу подышать свежим воздухом. Смотрит: что такое? Отходят от причалов миноносцы, эсминцы малым ходом вытягиваются вслед за ними. На одном — между мачтами — красное полотнище... Адмирал нашарил пенсне, нацепил на нос, прочитал на полотнище: «Вся власть Советам!» Корабли шли в Петроград! «В чем же дело? — думал адмирал. — Когда? Кто вызвал корабли в Петроград?..»

Он не знал, что одна из телеграмм была секретная. «Высылай устав» — это значило вот что: «Срочно отправляйте в Петроград корабли и десантные отряды. На подмогу Революции!»

Наступало 25 октября... Корабли подоспели вовремя...

Олег ОРЛОВ

КОРАБЛИ В НОЧЬ ШТУРМА ЗИМНЕГО...

(схема расположения кораблей на Неве и рисунки кораблей)

Не только из Гельсингфорса спешили корабли на помощь Революции. Пришли они из Ревеля и Кронштадта. Сколько же было кораблей в историческую ночь на Неве, поблизости от Зимнего дворца, оплота Временного правительства? И где они располагались? Ученые-историки установили точно... Кораблей всего десять. «Аврора» стояла у бывшего Николаевского моста (ныне мост Лейтенанта Шмидта), нацелив баковое орудие на дворец. Позади «Авроры» и левее ее, если смотреть против течения Невы, стояло госпитальное судно «Зарница». Правее, у берега, — эсминцы «Забияка» и «Самсон». К другому берегу пришвартовались: минный заградитель «Амур», учебное судно «Верный», сторожевой корабль «Ястреб» и минный заградитель «Хопёр». Перед самым Дворцовым мостом, вблизи от Зимнего, покачивались на холодных волнах тральщики № 14 и № 15...

С. ЮРЬЕВ

СЛАВНЫЕ СУДЬБЫ

У всех этих кораблей была славная и порой героическая судьба... «Зарница» обороняла Петроград в 1919 году. Служили Родине тральщики № 14 и № 15. Они очищали Балтику от мин, которые поставили в годы гражданской войны английские интервенты. «Верный» оборонял в годы Великой Отечественной войны Таллин и Ленинград.

«Амур» героически погиб на Балтике в 1941 году. «Забияка» и «Ястреб» сражались с фашистами в Северном море. «Самсон» участвовал в войне с империалистической Японией в 1945 году...

А легендарная «Аврора»? Крейсеру было суждено стать бессмертным памятником пролетарской революции.

ПУШКИ „АВРОРЫ“

Началась Великая Отечественная война. Фашисты окружили Ленинград. У наших на счету была каждая винтовка, каждый пулемет. А уж про пушки и говорить нечего... Не хватало пушек!

И тогда вспомнили об орудиях «Авроры»: на крейсере было несколько тяжелых, шестидюймовых пушек и большой запас снарядов к ним.

Ночью, скрытно от фашистов, моряки сняли с «Авроры» пушки и поставили их там, где ожидалась танковая атака... И точно: под утро двинулись танки. Идут фашисты, ничего не боятся. Разведка-то их накануне доло-

жила: оборону русских держат легкие пушечки, снаряд их по танку — как шелчок...

Ближе, еще ближе... Генералы-фашисты в бинокли наблюдают, радуются. Вот он, Ленинград! Сейчас прорвутся танки...

Вдруг тяжелый удар по броне — танк запылал. Другой закрутился на одной гусенице. Третий задымил... Это моряки-авроровцы вступили в бой.

Несколько раз бросались в атаку танки, но прорваться так и не смогли. Остановили их пушки с легендарной «Авроры».

ФОТОИНФОРМАЦИЯ

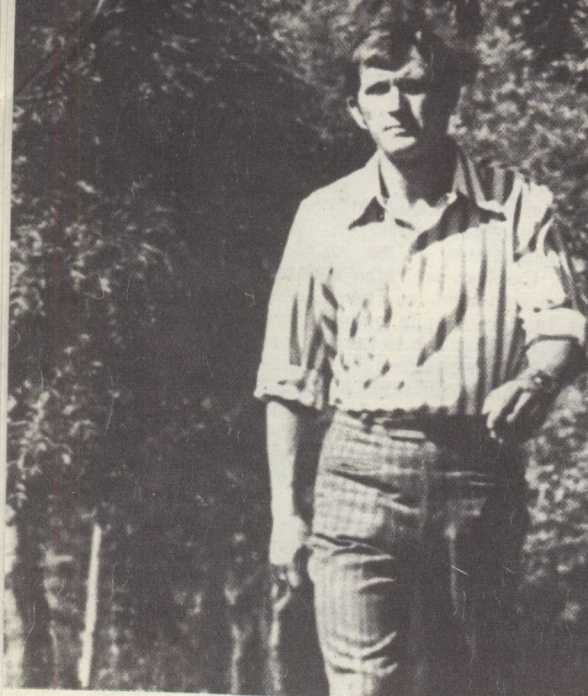
Наш корреспондент Е. Чечкина встретилась с Ирой Сочинской на Посту № 1 у памятника Неизвестному матросу.

Здесь несут вахту лучшие комсомольцы 119-й одесской школы. Ира — их комиссар.

Ира — победительница в соревновании школьников в честь Великого Октября. Потому она и ездила в Ленинград. Ира была сфотографирована у развешенного знамени крейсера «Аврора» рядом с ветеранами революции, героями труда, молодыми гвардейцами пятилетки. Это — большая честь. Ира заслужила ее отличной учебой и комсомольской работой в школе и в районном комсомольском штабе.

ПЕРВЫЙ УЧЕНИК

Целый день Лена Филиппова готовилась к этой минуте, а теперь, забыв от волнения слова, которые должна была сказать гостю, просто попросила:

— Виктор Антонович, расскажите нам о себе. О своей профессии.

Ребята приготовились слушать. Сбор начался.

...Если бы они знали, как это трудно — рассказать о себе. Он не космонавт, не актер. Слесарь. Конечно, и в его работе есть своя романтика. Свой риск. И все же — трудно. В цехе собирают не очень сложный механизм. Это уже потом, когда суммируется труд многих участков и цехов, все называется красиво: оборудование для атомных электростанций. А его задача — подогнать «до уровня» детали, собрать и отладить блок. Поэтому Самодеенко стал рассказывать не о себе, а о своем заводе: о его истории, славных традициях, лучших людях. На Ижорском он работает уже больше десяти лет, завод свой любит и хорошо его знает — рассказывать о заводе было легко.

Слушали внимательно. Лена успокоилась и глубоко задумалась, Саша чему-то улыбался, а Толик нахмурился, словно никак не мог решить трудную задачу. Наверное, ребята думали о своем будущем, как выбрать дело по душе.

Потом стали задавать вопросы. Почему он стал слесарем, а не токарем, например. Каким видом спорта увлекается и какие книги любит.

— А ученики у вас есть? — спросила Лена.

— Ученики? — переспросил Виктор. Помолчал. — Был ученик. Вася Краснов. Только он от меня ушел. На другой участок...

Ребята притихли, и Самодеенко почувствовал, что им он может рассказать все, как было.

Деталь была сложной. Краснов стоял рядом и смотрел. А он работал, красиво работал, и было как-то радостно и легко. Он увлекся и не сразу понял, что ему сказал Краснов.

— Ухожу я, шеф!..

— Что?

— Ухожу. На другой участок. Понял?

— Нет, не понял.

Самодеенко отложил инструмент, медленно, не слезая с вертушки, повернулся к Василию и посмотрел на него в упор. Василий выдержал взгляд, и только тогда до Самодеенко дошло — уходит...

Все рухнуло. И почему-то он увидел разом, словно со стороны и обычный серенький день, и цех с потемневшими за зиму стеклами, себя и своего ученика Васю Краснова...

— Давай поговорим, — сказал Самодеенко. Встал и, глубоко засунув руки в карманы спецовки, пошел к курилке, где обычно вели «личные беседы».

Он говорил только то, в чем был совершенно уверен: о профессии слесаря, которая, может быть, самая лучшая профессия в мире, о том, что работа эта творческая и требует от человека полной отдачи душевных и физических сил.

Краснов оборвал его на полуслове:

— Да брось ты! Там больше платят — раз. Думать не надо — два. И потом — там красиво.

— Что красиво? — удивился Самодеенко.

— Там искры летят, — снисходительно пояснил Василий...

Никто Самодеенко не упрекал, все знали, что Васька человек непутевый. Но чем больше Виктор думал о случившемся, тем яснее понимал, что и он виноват в непутевой Васькиной судьбе. Да, он лауреат премии Ленинского комсомола, кавалер ордена Трудовой Славы, мастер своего дела, но, оказывается, это не имеет никакого значения. Вот его учитель никаких званий не имел, но Виктор отлично помнил, как важно было его одобрение, как переживал, если тот хмурился, как старался услышать одно-единственное слово — «нормально».

ДЕТИ РИСУЮТ РЕВОЛЮЦИЮ

...Конгуров приходил в цех рано. Прихрамывая, — давало о себе знать полученное на войне ранение, — добирался до своего верстака, долго устраивался на стуле. Он и Виктора приучил приходить в цех до звонка — в эти минуты, в непривычной тишине, они разговаривали, о серьезном, о житейском.

Их верстаки были рядом, но Виктору была предоставлена полная свобода действий. Конгуров никогда не стоял над душой, не корил за ошибки. Если что-то не получалось, Виктор показывал деталь наставнику. Тот молча вставлял деталь в тиски и начинал исправлять. Когда готовая деталь ложилась рядом с деталями Виктора, он всякий раз удивлялся: деталь Конгурова отличалась от прочих, была красивой, ею можно было любоваться, как произведением искусства. Ему во что бы то ни стало хотелось сделать такую же. К концу смены у него дрожали руки. Конгуров посмеивался: «Это со стороны все просто. В нашем деле главное не руки, а голова. Руки у тебя легкие, а голова-то еще тяжелая».

Виктор был упрямым. Упрямство рождало злость. Злость придавала силы. В конце концов он добился, что его и конгуровскую деталь различить было невозможно и с тех пор приобрел самостоятельность.

Он никогда не задумывался над тем, что сделал для него Конгуров, и не так уж часто вспоминал учителя, но когда к нему привели ученика, стал поступать так, как поступал Конгуров: не стоял над душой, не корил за ошибки, а оказывается, с Васькой как раз надо было по-другому. «Со стороны все просто», — вспомнил Виктор слова наставника и, когда к нему привели ученика, совсем на Ваську не похожего, отказываться не стал и начал все сначала.

...Иногда Вася Краснов забегает на их участок. Здесь теперь работает комсомольско-молодежная бригада, а Самодеенко — бригадир.

Василий встает рядом и смотрит, как он работает. Самодеенко не возражает — пусть смотрит. Васька ничуть не изменился, и говорит он по-прежнему: снисходительно и добродушно.

— Ты у нас теперь знаменитый, — посмеивается Васька.

— Точно. Ну, а ты как?

— Нормально. Шли-фу-ю, — с расстановкой говорит Васька.

Самодеенко знает — Василий хочет вернуться в бригаду, но просить самому — значит признать свою вину, и пока Краснов молчит. И Самодеенко молчит.

Васька расправляет плечи, встряхивает головой и уходит. А Самодеенко, покачиваясь на старой расшатанной вертушке, глядит вслед. Походка у Василия смешная: он взмахивает руками, словно лодка веслами. А руки у него хорошие, сильные.

Г. МАЛИКОВА

В НОГУ

Саша Ерминов

БЕСПРИЗОРНИКИ

Анна Король

В СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЕ

Катя Чудновская

ПТИЧИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

А. ЛИВЕРОВСКИЙ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. Шабанова

Случилось это в начале войны.

Тяжелое было время. Пехотный майор, кадровый, молодой, с весьма малым опытом, выводил отряд из окружения. После тяжелого и неравного боя батальон потерял связь, и все, кто остался в живых, здоровые и раненые, шли к своим. Шли двенадцать дней. Кругом были враги.

Тринадцатый день начался при чистом небе, по-весеннему мутных звездах, только что народившемся месяце. В темноту отряд вышел на открытое место.

Майор выбрал, где можно присесть, сказал старшине: «Перекур!» — и сел, почти упал, как большой замшелый валун. Устал, смертельно устал, бодела раненая рука, а главное, он не знал, куда дальше вести отряд, положительно не знал. Опущены на землю носилки, бойцы сели и легли где и как придется. Курить было запрещено.

Короткая ночь кончилась, на востоке явно обозначилась светлинка. Пушечный гул к утру притих, справа и слева ритмично, бесшумно и мертвенно высвечивали небо чужие зеленые ракеты.

Рана у майора была удачная: автоматная пуля пробил ладонь, не задев ни костей, ни связок. Пальцы шевелились, но в руке неприятно постукивало — как бы не началось нагноение! Это мешало думать. Но он, только он должен был решить, что делать.

По многим причинам было ясно, что фронт близко. Это и хорошо и плохо. Хорошо, потому что рядом свои, плохо, что врагов стало больше.

Сейчас, перед утром, надо обязательно укрыться, отдохнуть, переждать, перевязать раненых и подкрепиться жалкими остатками продовольствия. Укрыться? Где? Впереди чистое поле, за ним далекий лес, справа торчит колокольня — значит, село и, конечно, враги. Позади мост, где с трудом прошли этой ночью, так близко от врагов, что слышны были чужие разговоры и видели людей у костров.

Надо было решать и хорошо бы посоветоваться, но с кем? Один старшина, и тот городской человек, бывший слесарь-инструментальщик. И тут майор вспомнил. Вспомнил, сказал старшине:

— Пришли ко мне лейтенанта, того, приبلудного.

Старшина не удивился, побежал.

А вспомнил майор, как три дня назад отряд шел еще далеко от фронта по безлюдной, как-

то ободенной врагами местности. Все было спокойно. Дневка удалась — оказалась удобной, скрытной, и вода была в ключике. В ранних сумерках вышли из глубокого лесистого оврага на небольшое поле и взяли направление на бугор, поросший высокоствольным лесом, чтобы идти и дальше всю недолгую весеннюю ночь.

Вот тут и подошел к майору невысокого роста, широкоплечий, староватый для своего звания лейтенант. Подошел не по-уставному, показал на бугор, к которому шли, и сказал уверенно: «Туда нельзя».

Лейтенант был малознакомый: перед тем тяжелым боем пришел связным из соседней части и вынужден был остаться. Малознакомый и на взгляд майора очень штатский: нескладно висела на нем форма, ходил, как медведь, вразвалочку.

Тогда остановил майор отряд, внимательно пригляделся к начинающему уже темнеть и расплываться лесу на бугре, ничего не понял, спросил:

— Почему нельзя?

— Там гитлеровцы.

— Кто вам сказал?

— Птица, ворона.

— Давайте без шуток!

— Я не шучу. Ворона летела в тот лес, тревожно каркнула и отвернула.

Разговор услышал старшина, вступился:

— Товарищ майор, птицы, они чувствуют, это верно.

Майор не знал, что и делать, — уж очень не хотелось уходить в сторону — как, разрешая сомнение, там, на лесистом бугре затарахтели сразу несколько мотоциклов...

Вспомнил майор и решил посоветоваться.

Лейтенант пришел:

— Слушаю, Федор Васильевич!

Майор поморщился — безнадежны эти скоромобилизованные! — объяснил задачу: где переждать день, где спрятать отряд. Лейтенант кивнул, отошел в сторону, остановился от всех поодаль и поднял голову. Долго стоял, очень долго.

Потом показал уверенно назад и несколько налево, на мелкий и частый березняк.

— Туда надо. Болото. Найдем сухой островок.

Майор запротестовал:

— Назад? Откуда тут болото? Где вы видите?

Лейтенант пожал плечами, вроде обиделся:
— Не вижу, но знаю.

Майор устал, рука разболелась невыносимо. Положение казалось безнадежным и, в конце концов, не все ли равно куда. Никто не знает. Надо двигаться, уйти с открытого места. Выдавил, скрипя зубами от боли:

— Старшина! Поднимайте людей! Пошли, пошли! Лейтенант, идите в голове.

За узкой березовой кромкой оказались заросли ели. Скоро захлюпала под ногами вода, черная, резко пахнущая. Пузырьки газа с хлопьями вырывались из-под сапог. Майор в гущаре потерял из вида проводника:

— Лейтенант! Где вы? Мы тут не потонем?

— Идите, идите, — раздался неподалеку голос лейтенанта. — Это подпорная вода по краю. Выберемся на мох, будет суше.

Открылось большое моховое болото. Впереди в предрассветных сумерках маячило что-то темное. Лейтенант пригляделся, сказал обрадованно:

— Остров. Успеем до света. Все в порядке, майор, считайте — повезло.

На сухом, густо поросшем ельником острове отдыхал отряд. Майор и лейтенант устроились на солнечном склоне холма. Майор, сняв сапоги, босой лежал на плащ-палатке. Заново перевязанная рука почти не болела. Лейтенант сидел рядом на пенке и ножиком вырезал что-то из кусочка дерева.

— Лейтенант, — спросил майор совсем не командным голосом, — как ваше имя и отчество?

— Михаил Иванович.

— Так вот, Михаил Иванович. Знаю, чудес

на свете не бывает, все объяснимо. С вороной у вас получилось хорошо, а как это место вы нашли, — ума не приложу.

Лейтенант вытащил из кармана маленький тоненький оселок и принялся точить и без того острый, как бритва, ножик. Посмотрел на майора:

— Не догадаться?

— Никак!

— А просто... Когда еще шли, я примерно в том направлении слышал полуночный крик журавлей. Когда по вашей просьбе прикидывал, решил, что эта примета болота не очень верная, — журавль с прилета может и на поле протрубить. Еще я услышал утреннюю песенку камышовки-барсучка. Есть такая пичуга. Подумал — не в кромке ли болота поет? Похоже. Но и этого мало — барсучок у любой воды может загнестись. Где переждать день, где спрятать отряд? Надо было срочно решать, я стоял и думал.

— Мне показалось, что вы воздух нюхаете...

— Нет, прислушивался. И вдруг — куропад

токует. Вот это уже может быть только на моховом болоте. Просто?

— Когда рассказали — просто. Где вы этому научились?

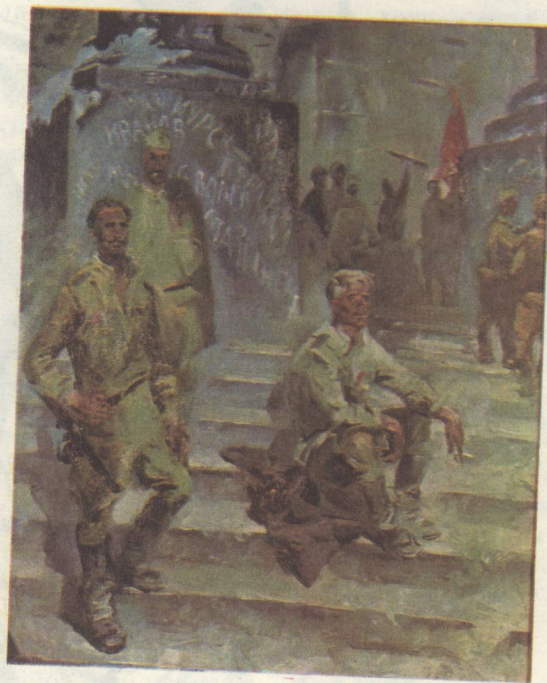
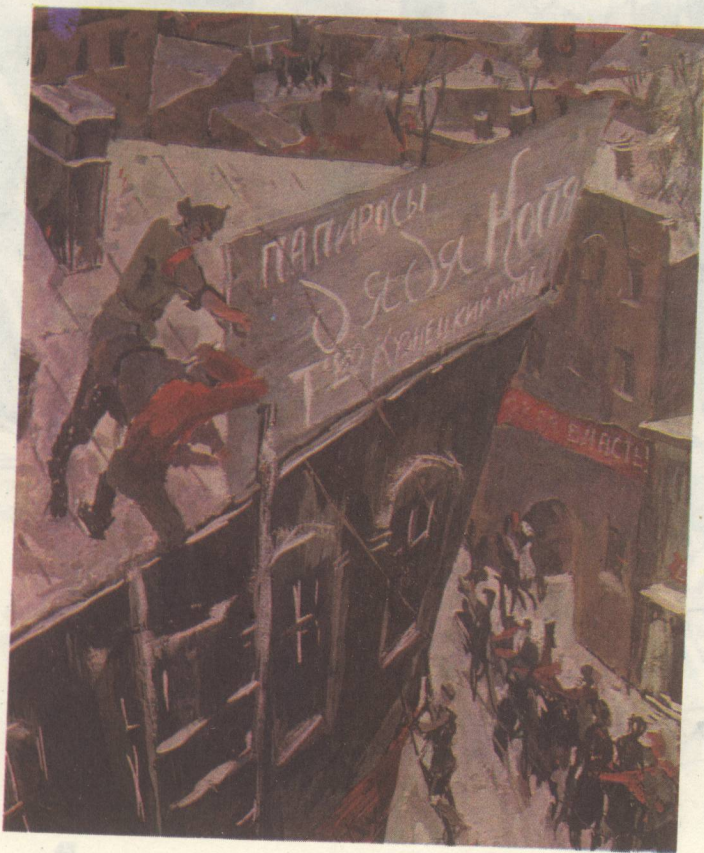
— С детства любил птиц, примечал за ними, дома держал, и не только птиц, — лейтенант как-то удивленно, по-доброму улыбнулся, — всякое зверье: белок, зайцев, голубей, ящериц, была змея, так чуть из дома не выгнали. Потом до самой войны лесничим ходил...

Около полудня, когда, кроме часовых, все спали, загремели пушки над островом, низко промчались наши самолеты. Гулко раскатились пулеметные очереди. Звуки близкого боя с обеих сторон обтекали болото, где укрылся отряд.

Осторожно, оглядываясь, держа автоматы наготове, вышли на мох разведчики. Заметили людей, остановились удивленные.

Лагерь проснулся. Свои! Пришло спасение — незабываемый миг для тех, кто пережил радость вырваться из рук, казалось, неминуемой смерти.

ДЕТИ РИСУЮТ РЕВОЛЮЦИЮ

ПОБЕДА
Боря Михайлов

В ДНИ ОКТЯБРЯ
Мария Вишняк

КРЕПКАЯ ВЕТОЧКА

В один из мокрых серых дней зимних каникул Максим решил самостоятельно, без родителей навестить дедушку. Отец все время прихварывал, матери было некогда, да она обычно одна, без отца, в гости и не ездила.

Максиму потребовалось срочно взглянуть на старинные часы-луковицу. Они хранились у дедушки Максима как память о прадеде Василии Александровиче Бирюкове. Максим слышал об этих часах давно, но в руках никогда не держал. Не было у него до сих пор особого интереса к семейным реликвиям. А на днях родная сестра дедушки Нина Васильевна показала внуку такую одну вещицу, что у Максима дыхание перехватило. Бабушка Нина из глубины верхнего ящика старинного буфета достала кортик. «Кортик прадеда! Как это, — думал Максим, — я до сих пор не подержал в руках этот кортик?» А кем был прадед? На каком корабле плавал?

...Не раз слышал Максим рассказы о Василии Александровиче. Ведь в их семье как только все соберутся на праздник в квартире бабушек Нины и Веры на Васильевском острове, так обязательно вспомнят основателя рода своего Василия Бирюкова. В этом доме чаепития с долгими разговорами о жите-бытье не только

по праздникам. И в разговоре обязательно промелькнут название кораблей, которые строил кто-нибудь из Бирюковых.

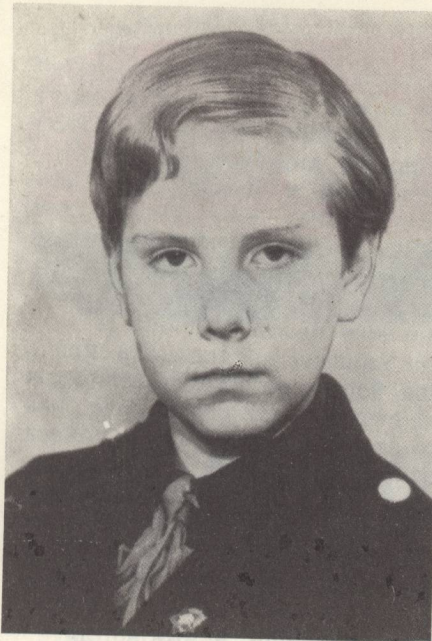
Максим любит слушать эти рассказы. Так он узнал, что был Василий Бирюков, сирота из деревни Свинушки Рязанской губернии, совсем юным паренком завербован на флот. Там он довольно скоро стал замечен своими способностями, толковостью и еще до революции 1917 года попал в так называемые машинные классы при морском инженер-

ном училище в Кронштадте. А после революции стал строить корабли...

Нина Васильевна, как-то особенно молодея от воспоминаний, показывала Максиму, кто где любил сидеть, кому какие вещи принадлежали. По ее рассказам, Василий Александрович всегда был подтянут, молодец. Носил только белые рубашки с галстуком. Эту привычку у него переняли и сыновья.

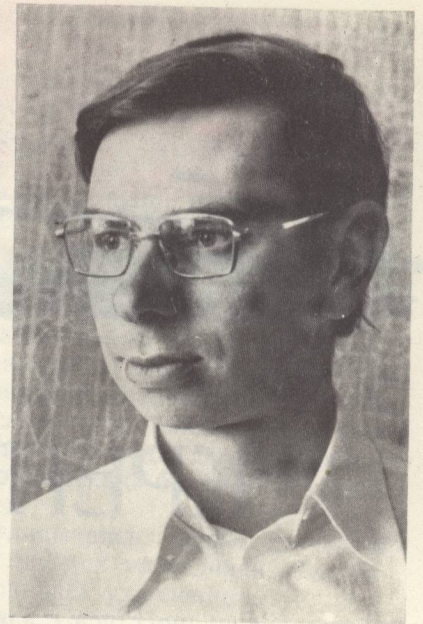
За свои тринадцать лет Максим успел не один раз рассмотреть фотографии Василия

отца — Валерий Николаевич. Третий брат — Олег тоже начинал на Балтийском.

Дед Николай Васильевич никогда не настаивал, чтобы дети шли на завод, шли по его стопам, но всегда старался воспитать в них уважительное отношение к труду, интерес к своей специальности. Профессию судомонтажника дедушка любит страстно, и, конечно, был счастлив, когда после армии Игорь вернулся

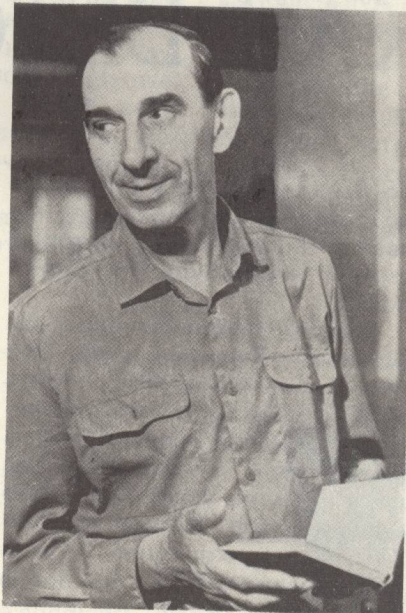
Александровича. Одна ему особенно нравится! Молодой офицер с лихо закрученными усами смотрит весело и дерзко, как будто предлагает кому помериться силами! Шеголевый мундир его вызывал особый интерес правнука.

Но о морских подвигах Василия Александровича говорилось мало, Максим чаще слышал о кораблях, которые строил или ремонтировал прадед.

Оттого ли, что от прадедовой квартиры до ворот Балтийского завода десять минут ходу, оттого ли, что Василий Александрович до последнего дня жизни работал там и сыну своему Николаю передал и профессию, и любовь к заводу, он, конечно, в представлении Максима прежде всего строитель кораблей.

А строитель кораблей — что же тут удивительного? На Васильевском острове в Ленинграде каждый второй или моряк, или корабел, или сын моряка или корабела.

У Максима, например, отец — Николай Николаевич Бирюков — инженер-конструктор, корабли проектирует. Дядя Максима — Игорь Николаевич, младший брат отца, вместе с дедом на Балтийском заводе эти корабли строит. Вся жизнь у них связана с кораблями. Кораблестроительный техникум окончил брат

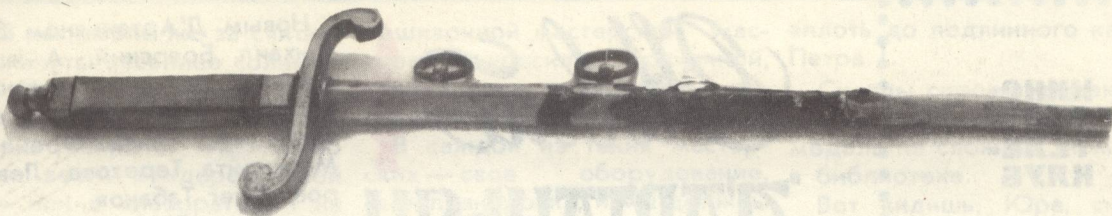

в тот же цех, в бригаду корабелов, где работал отец.

«Октябрьская революция» — первый корабль, который строил дед. Максим знает, что дядя Игорь принимал участие в строительстве другого судна — «50 лет Октября». Между ними не один десяток лет. Теперь Максим умеет увидеть страницы истории даже в названиях кораблей.

С каждым, наверное, такое может случиться. Ведь до сих пор никто не мог сказать, что Максим Бирюков — человек, страстно увлеченный историей. История всегда была для него обыкновенным школьным предметом, не лучше и не хуже других. И лично он не чувствовал себя хоть сколько-нибудь причастным к событиям великим или героическим. А теперь...

...Когда-то прадед Василий Александрович служил на минном крейсере «Посадник». Старинный документ, который показала бабушка Нина Максиму, заинтересовал его не столько перечнем наград и орденов, о которых он, Максим, раньше никогда не слышал. Необычной показалась ему запись насчет часов-луковицы: «От машинной команды минного крейсера «Посадник». 1908 год». Именно от машинной команды, а не от начальства. Максим понял: в дар-

ственной надписи, видимо, выразилось уважение простых людей, товарищей по работе.

И все-таки не рассказы и документы, а именно старый кортик, увиденный не в музее, а дома, в руках у бабушки, вызвал такой интерес к прошлому, к истории и сегодняшнему своей семьи, какого раньше у Максима не было. Он впервые почувствовал себя веточкой славной морской ленинградской династии. Правнуком моряка революционно-го флота.

Отправляясь в гости к деду, Максим чувствовал себя не совсем уверенно. Высокий, худощавый, с густыми черными бровями, дед всегда казался ему недоступным. О молчаливости Николая Васильевича в семье ходят легенды. Сыновья даже поспорили как-то, сколько слов в сутки произносит отец.

Проиграли все: отец задержался на заводе и пришел за полночь. Опять срочный заказ. «А у них всю жизнь срочные», — приговаривала обычно бабушка Анфиса Ивановна, жена Николая Васильевича.

Только однажды Максиму удалось уговорить деда показать свои награды. У него —

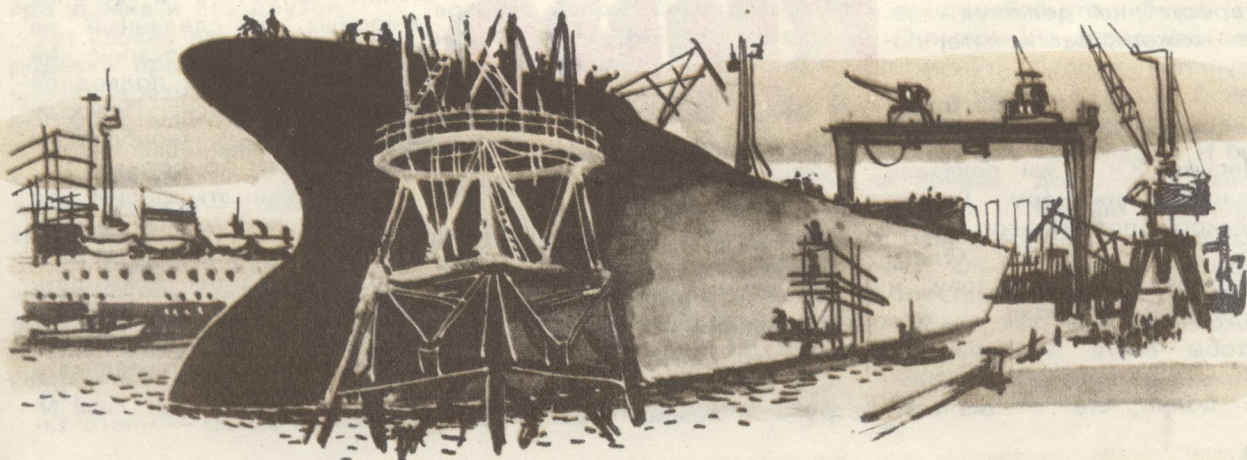
два ордена Ленина, орден Трудового Красного Знамени, медали. Все — за труд. И каждая из наград ведет к событиям необыкновенным, историческим, о которых пишут в учебниках. Когда надо было спасти челюскинцев, затертых льдами, дед с прадедом сутками не выходили с завода. За восемнадцать дней был отремонтирован «Красин», который принял участие в спасении экспедиции Отто Юльевича Шмидта. В 1938 году в беду попали папанинцы. Станцию «Северный полюс-1» понесло в открытый океан. И опять балтийцы взялись выручать полярников. Срочно подготовили к плаванию ледокол «Ермак».

В те годы дедушка был совсем молодой. Позже он строил самые крупные советские танкеры и, можно сказать, что почти все ледоколы прошли через его руки. Когда Николаю Васильевичу исполнилось шестьдесят, чествовали его в море! Проходил ходовые испытания ледокол «Арктика», и опытный мастер «стоял на часах» у своих механизмов. Он был счастлив в этот торжественный день своей жизни: «Арктика» выдержала экзамен на отлично.

Но, оказывается, гораздо легче быть следопытом событий, не имеющих такого прямого отношения к тебе и к твоим родным. Легче спрашивать, легче выслушивать и записывать ответы. Максиму, например, всегда казалось невозможным лишний раз спросить старших о событиях страшной ленинградской зимы 1941 года. Максим ведь знает главное. Прадед с дедом жили дома недолго. К концу осени ходить уже не было сил. Ночевали прямо на заводе. В тот день, когда Василий Александрович не смог подняться, чтобы дойти до рабочего места, его, умирающего, отвезли в госпиталь к дочери Валентине. Там он и скончался. В госпиталь попал и его сын, Николай Васильевич. Молодой Бирюков был крепче и выжил.

Может быть, Максим решит стать моряком. Может быть, захочет строить или проектировать корабли. А захочет — выберет профессию, какой в их семье еще не было. Но внуком корабела и правнуком моряка он останется навсегда. В их судьбах — начало его биографии.

Н. АЛЕКСЕЕВА
Фото К. Жариковой

КИНО-
ФОТО-
ТЕЛЕ-
КЛУБ

ПРОЕКТИРУЕМ
ДЛЯ КИНО

●
ЧТОБЫ БЫЛО
ВЕСЕЛО

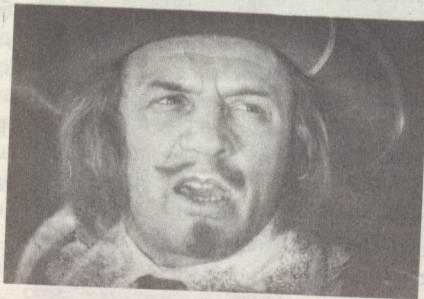
●
АЛЬФРЕД,
СКВОРЕЦ И СОЛНЦЕ

●
НАША АФИША

Оформление
Т. Капустиной

Новый ДАРТАНЬЯН

Недавно пришла весть, которая обрадовала всех, кто любит артиста Михаила Боярского. Одесская киностудия приступила к съемкам трехсерийного телевизионного музыкального фильма «Д'Артаньян и три мушкетера» — такое название будет у новой картины по роману Александра Дюма «Три мушкетера». В фильме будет много музыки, ее пишет композитор Максим Дунаевский...

Новым Д'Артаньяном будет Михаил Боярский. А еще в фильме снимаются очень известные, всеми любимые артисты — Алиса Фрейндлих, Маргарита Терехова, Лев Дуров, Олег Табаков...
— Роль Д'Артаньяна — моя мечта, — говорит Михаил Боярский.

В редакцию пришло письмо: «Я очень люблю кино, но киноартистом стать не могу — нет таланта. Так мне сказали в художественной самодеятельности, да я и сам знаю. Но от этого моя любовь к кино не слабеет. Меня очень интересует, как делается кино. Если можете, расскажите, пожалуйста».

*Юра Васильев,
Ивангород, Ленинградской области.*

Письмо Юры мы показали главному инженеру Ленинградского проектного института «ГИПРОКИНО» Олегу Дмитриевичу Виноградову, и вот что он рассказал.

Чтобы снять только один фильм, работают тысячи людей более ста специально-

ПРОЕКТИРУЕМ ДЛЯ КИНО

стей. Сегодняшнее кино — это индустрия. Как всякая отрасль промышленности — кинопромышленность тоже начинается с проекта.

А что значит спроектировать обыкновенную киностудию? Дело это далеко не простое.

Современный павильон — огромное помещение, как за-

водской корпус. Внутри положены рельсы узкоколейки для тележек с аппаратурой, вьется электрокабель, установлены операторские краны и самые разные декорации. В одном и том же павильоне можно встретить и «уголок природы», и сделанный из фанеры и жести космический корабль или отсек подводной лодки «Наутилус». Повсюду сотни самых разнообразных осветительных приборов.

Можно снимать фильм под открытым небом, на натуре, что часто и делается, но для этого приходится выжидать хорошую солнечную погоду, ограждать участок съемки от любопытных, останавливать городской транспорт, менять вывески на домах — много за-

бот. В павильоне же за считанные минуты весеннее солнышко сменяется проливным осенним дождем или снежной вьюгой. Съемку одновременно можно вести в «деревенской избе» или в «лаборатории на дне океана»...

Оборудован полностью павильон, но фильм еще снимать нельзя. Сотни людей, всю съемочную группу, надо одеть, обуть, снабдить утварью, оружием, например, Руси Петровских времен.

За дело принимаются портные спроектированной нами

пошивочной мастерской, мастера из красильно-прачечной, специалисты из оружейно-пиротехнической мастерской.

В каждой из таких мастерских — свое оборудование, своя планировка, и мы должны все это знать и предусмотреть в проекте.

Если вы когда-нибудь попадете на «Ленфильм», не заблудитесь на складах студии! Только в хранилищах платья находится почти 30 тысяч наименований пальто, головных уборов, платьев, сшитых по модам всех времен и народов,

вплоть до подлинного кафтана Петра I.

Склады спроектированы так, что найти и доставить любую модель не сложнее, чем книгу в библиотеке.

Вот видишь, Юра, сколько специалистов самого высокого класса работает на киноиндустрию. Среди них — строители, электрики, химики, художники, архитекторы, проектировщики всех специальностей, и труд каждого необходим для кинематографии, поэтому каждый из нас называет себя «киношником»!

ЧТОБЫ БЫЛО ВЕСЕЛО

Сегодня мы попробуем вместе определить, что нужно для того, чтобы стать ведущим в веселой, интересной игре, такой, например, как пионерская телевизионная передача «Один — за всех, все — за одного».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Телестудия.

На сцену поднялся очередной кандидат в ведущие, пионер маленького роста. Громко, тонким голоском, объявил: «Вот дом, который построил Джек!» Все оживились и, честное слово, некоторые даже оглянулись — где же он, этот дом, потому что уж очень убедительно читал третьеклассник Володя Хаунин стихи про Джека и его друзей.

Тут словно невидимую загородочку прорвало. Будто все вдруг перезнакомились и перестали стесняться друг друга и жюри. Выбежали две девочки и заявили, что все будут делать вместе — стихи читать, танцевать.

А я сидела и думала: «Ага, значит, чтобы стать настоящим ведущим, надо уметь выразительно читать стихи, хорошо танцевать и петь».

И все? Нет, не все.

Юля Смольская спела забавную песенку про котенка, которому купили на лапки четыре башмачка, чтобы он не царапал хозяйкин живот. Юля не стеснялась никого и ничего. Надо спеть — пожалуйста, сплясать — с удовольствием!

— Кто знает мотив лезгинки? Подпевайте, я жду! — командовала она. И бойко сплясала.

А Люда смотрела и, наверное, немножко завидовала, потому что когда Люда Вегер выходила на сцену, то глубоко задумывалась, прикусив большой палец и... молчала.

— Ну сядь, подумай. Попробуешь во второй раз. — советовал режиссер.

Люда согласно кивала и возвращалась на место, довольная собой, сосредоточенная. А во второй раз выходила и — хорошо пела, хорошо читала стихи. Наконец, режиссер сказал:

— Второго раза не будет. Танцуй прямо сейчас. Решайся.

Мы сидели в зале, и все переживали за нее, видели, как Люда борется со своей застенчивостью. Мы гадали — что же победит, застенчивость или характер, и «болели» за характер.

Люда сдвинула брови, зна-

комо тряхнула кудрявой головой, задумалась на минуту и... решилась, прекрасно станцевала.

Общительная Юля и Люда с упорным характером были приняты.

Значит, чтобы стать ведущим, надо уметь петь, танцевать, читать стихи, быть человеком общительным и иметь волевой характер.

Все? Нет, не все.

Уж очень хорошо читал третьеклассник Володя Хаунин стихи про Джека и его друзей. А вот в танце был не силен. Режиссер Владимир Евсеевич Максимов выручил:

— Саша, — предложил он другому мальчику, — отправляйтесь с Володей в коридор и придумайте что-нибудь.

Они пришли через несколько минут. Володя встал на одно колено, а Саша бойко сплясал под Володины хлопki. Вот что они придумали. И были очень довольны: танец показали и Володю выручили. И режиссер был очень доволен. Он-то сразу разгадал хитрость, но ему понравилось, как Саша выручил незнакомого мальчишку.

Саша и Володя были приняты.

Вывод: чтобы стать ведущим, надо уметь петь, танцевать, читать стихи, быть общительным и упорным, уметь выручить из беды человека, даже если он тебе не знаком. Неужели еще не все?..

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Хлопотный и беспокойный. Завтра съемка, поэтому надо сегодня примерить костюмы — яркие комбинезоны. А также — «освоить» песню и танцы «мухоморов».

Танцы придумывали вместе — взрослые, авторы передачи, и сами ребята. Искали «мухомористый» шаг, прыгучие лягушачьи движения.

Запоминаем: значит, ведущим нужна еще и богатая фантазия, — для интересных выдумок.

Но и это еще не все.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ.

Самый важный. Самый нервный. Самый значительный. Потому что в этот день — съемка.

Началась репетиция. Вернее, репетиции — их было много в этот день. Отдельно — с «пионерами», отдельно — с «мухоморами», и отдельно — с «лягушками».

У «пионеров» изменили полтанца. Они не растерялись, быстро выучили новый вариант. Перестроились (что-то там не понравилось взрослым в том, как они стояли раньше), запомнили, кто теперь за кем.

У «мухоморов» не ладилось. Дима Зайцев, или, как его тут зовут друзья, «Зайчик», прекрасный командир своего «зловредного войска», грозно сулящего расселиться по всем лесам, умолял:

— Не забывайте кулаки опускать после того, как мы уже погрозили и в землю вращаем. «Врастайте» дружнее!..

Это повторялось бесконечно. Но никто из ребят не хныкал, не раскисал. Они работали, как взрослые, — упорно, вдохновенно, дружно. Особенно напряженно работали, когда шла съемка. И только когда она закончилась и Дима Зайцев, не забыв похвалить своих: «Молодцы, товарищи!», высоко подпрыгивая, умчался в коридор, а двое мальчишек решили стоять на головах, а «лягушки» на радостях сплывали весь танец «мухоморов», я поняла — им было очень трудно, они очень волновались.

М. ПАВЛОВА

СНИМАЕМ САМИ

Кинофильмы, снятые Жаком Ивом Кусто, наверное, видели все... Или киноленту о сокровищах гробницы Тутанхамона...

А вот посчастливилось ли вам посмотреть фильм «Пропуск в прошлое»? Или «Юные акванавты»? Я эти фильмы видел. Снимал их не Кусто, а сокровища есть, только не египетских пирамид, а старинных курганов близ деревни Орехово...

Чтобы посмотреть эти фильмы, я ездил в гости к пионерам, в старинный город Тихвин. Много лет работает пионерская киностудия при Тихвинском Доме пионеров, снимает свои собственные фильмы.

О чем эти фильмы?

«Великий сказочник» — о земляке тихвинцев композиторе Римском-Корсакове. «Мужеству — слава» — о героях — ветеранах Великой Отечественной войны. «Подводными тропами» — об исследованиях в необычном мире озер, где живут рыбы.

Кинооператоры, сценаристы, режиссеры, художники — сами ребята. Для съемки фильмов под водой у киностудии — небольшая флотилия — две моторки и акваланги.

Шефы — рабочие производственного объединения «Кировский завод» — подарили

ребятам киноаппараты, сами пионеры и комсомольцы построили павильоны. Сейчас здесь все как в настоящей киностудии — цех звукозаписи, цех для проявления пленки, зал для просмотра новых фильмов.

Звание лауреата, премии, дипломы Всероссийских конкурсов, кинофестивалей — много наград у пионерской киностудии.

О. ЧИСТОВСКИЙ
Фото автора

АЛЬФРЕД, СКВОРЕЦ И СОЛНЦЕ

Наездница взяла один барьер, другой... Альфред не опускал фотоаппарат. Он давно хотел показать лицо всадницы в момент полета — его напряженность и радость. И вдруг девушка не удержалась в седле, упала. Вот идет она, измученная, уже нет сил вдеть ногу в стремя.

Альфред считает, что главное в фотографии — психологизм, умение передать состояние людей. Показать, огорчены они или радуются, удивлены или сердятся. Это именно то, для чего хочется работать.

Вот мальчик знакомится с морем. Оказывается, оно огромное и теплое. Можно сколько угодно плескаться, брызгаться и даже подпрыгнуть на волне. Вдруг чайка, настоящая, морская, летит прямо к нему. Протяни руку и сможешь погладить ее на лету!

Сколько попадается иногда удивительного и неожиданного, что хотелось бы запечатлеть и показать другим.

Весной, ранним утром, заметил он, как скворец ждет восхода солнца. На следующее же утро он опять спешил на это место. Но солнце всплывало, а птица не появлялась. Искать ее бесполезно.

Много дней подряд ходил Альфред к скворечнику. На-

конец непоседа-скворец все-таки сел на нужную ветку. Не шевелясь мерз Альфред, замерзла смазка в фоторужье, молча мерз скворец. Светлый круг медленно оторвался от горизонта, он еще в дымке — снимать можно. Через минуту ударил в глаза первый луч, громко чирикнул тотчас повеселевший скворец и тут же умчался.

А. ГОСТОМЫСЛОВ

Фото
Альфреда
ПАУЛАУСКАСА

ОНИ ОТКРЫВАЮТ ПАРАД

КАЖДЫЙ РАЗ, КОГДА НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ В МОСКВЕ НАЧИНАЕТСЯ ВОЕННЫЙ ПАРАД, ПЕРВЫМИ НА ПЛОЩАДЬ ВСТУПАЮТ ВОСПИТАНИКИ МОСКОВСКОЙ ВОЕННО-МУЗЫКАЛЬНОЙ ШКОЛЫ. И ЧИТАТЕЛИ «КОСТРА», КОНЕЧНО, УЖЕ ВИДЕЛИ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ЭТИХ РЕБЯТ. ТАК ДАВАЙТЕ С НИМИ ПОЗНАКОМИМСЯ...

— ВОСПИТАНИК БЕЛОВ СЕРГЕЙ. Многие почему-то думают, что самые юные участники парадов — это суворовцы и нахимовцы. Но в Нахимовское и Суворовское принимают после восьмилетки, а у нас — пятиклассников, так что — сами видите. Раньше наша военно-музыкальная школа называлась Суворовским музыкантским училищем. Но это было давно, когда еще были беспризорники и когда учиться принимали ребят, у которых нет родителей. А теперь принимают всех желающих. И главное теперь — пройти творческий конкурс, где проверяют слух, музыкальную и ритмическую память. А учиться здесь надо семь лет. По окончании получаешь специальность — преподаватель музыки. Да, чуть не забыл, при поступлении в нашу школу еще надо спеть песню. Обычно ребята поют «Пусть всегда будет солнце» или «Песенку Крокодила Гены».

— ВОСПИТАНИК АНДРЕЕВ КОНСТАНТИН. Знаете, когда приезжаешь домой на каникулы, всегда кто-нибудь спросит: «Как ты успеваешь заниматься сразу по двум программам — общеобразовательной и музыкальной школ?» Я отвечаю примерно так: «Но ведь это еще не все. У нас есть и военные предметы. Например, «Служба оркестра в строю». Слышали о таком? О таком предмете никто, конечно, не слышал. Удивляются. Опять спрашивают: «Ну, а рисовать-то, наверное, бросил?» Это потому, что когда я учился в обычной школе, то был редактором стенгазеты. «Нет, — говорю, — не бросил, могу показать альбом». А как я могу бросить рисовать, если люблю это занятие? Я и сейчас редактор ротной стенгазеты. Ну, в общем, верят и не верят. Хотя никаких секретов у нас, воспитанников военно-музыкальной школы, нет. Просто мы живем по строгому распорядку дня. Вот и все.

— ВОСПИТАНИК ПРОСИН ВЛАДИМИР. Костя правильно сказал. Я сам, когда учился на «гражданке», почему-то не придавал особого значения распорядку дня. А теперь понял: правильно составленный режим дня — лучший помощник и в учебе, и в любом деле. Короче, у нас в школе нет такой проблемы, как нехватка времени. Правда, есть другая пробле-

ма. Это, когда человек поступает в школу и должен привыкнуть к жизни на казарменном положении, а главное — точно выполнять распорядок дня. Но тут — все зависит от тебя самого. И чем раньше привыкнешь, тем лучше. Подумайте, откуда бы у нас появилась отличная футбольная команда, если бы не было свободного времени. Лично я в свободное от занятий время самостоятельно выучил немецкий язык. Что буду делать после окончания школы? Пока не знаю. Хотел бы поступить на военно-дирижерский факультет при Московской консерватории имени Чайковского. Наши многие туда поступают.

— ВОСПИТАННИК МОЗГАРЕВ ПАВЕЛ. В школе — уже второй год. Привык. Нравится. Все нравится. И музыкой заниматься. И то, что нас, как в армии, назначают дневальными и дежурными. И пионерские сборы. И встречи с интересными людьми. Недавно была встреча с Ольгой Дмитриевной Ульяновой. Ольга Дмитриевна — племянница Владимира Ильича Ленина. Она нам рассказывала, как Ленин любил музыку. Рассказ мы слушали очень внимательно, а потом задавали много вопросов. А в параде я участвовал только один раз, в прошлом году. Волновался, конечно. И все ребята тоже волновались. Но говорят, что со стороны не видно. И в этом году тоже должен участвовать. Мы уже с сентября к параду готовимся.

И — СНОВА МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ. 10 ЧАСОВ УТРА. ИЗ СПАСКИХ ВОРОТ КРЕМЛЯ ВЫЕЗЖАЕТ МИНИСТР ОБОРОНЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА. ВЫСЛУШАВ РАПОРТ КОМАНДУЮЩЕГО ПАРАДОМ, МИНИСТР ОБОРОНЫ ПОЗДРАВЛЯЕТ ПОСТРОЕННЫЕ ДЛЯ ПАРАДА ВОЙСКА С ПРАЗДНИКОМ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ЗАТЕМ ПОДНИМАЕТСЯ НА ТРИБУНУ МАВЗОЛЕЯ И ЗАЧИТЫВАЕТ ПРАЗДНИЧНЫЙ ПРИКАЗ, НАД ПЛОЩАДЬЮ РАЗНОСИТСЯ ГРОМОВОЕ «УРА!», СЛЫШАТСЯ ЗАЛПЫ АРТИЛЛЕРИЙСКОГО САЛЮТА. А ПОТОМ... А ПОТОМ НАЧИНАЕТСЯ САМОЕ

ГЛАВНОЕ... И ПЕРВЫМИ НА КРАСНУЮ ПЛОЩАДЬ ВСТУПАЮТ САМЫЕ ЮНЫЕ УЧАСТНИКИ ПАРАДА... ОНИ ИДУТ КОЛОННОЙ ПО ДВЕНАДЦАТЬ. ИДУТ ДЕРЖА РАВНЕНИЕ «НАПРАВО!» И ВСЕ УЛЫБАЮТСЯ, ГЛЯДЯ НА ЭТИХ МАЛЬЧИШЕК. И МЫ ПОНИМАЕМ, ПОЧЕМУ ОНИ ИДУТ ПЕРВЫМИ...

Праздничный репортаж вели:
В. МИХАЙЛОВ, А. ТОЛСТИКОВ, И. ЧИРКОВ

Оформление
Т. Капустиной

Рододендрон „Далавайи“

А КАКИЕ ОНИ, РОДОДЕНДРОНЫ?

«...Рододендроны взошли. Постараемся хорошо ухаживать за ними. Просим выслать семена клена. В обмен готовы выслать семена калины...»

*Юннаты из Сыктывкара,
Коми АССР».*

«А какие они, рододендроны?»

*Вова Деарт,
Архангельск».*

Какие же они, рододендроны?

Ученым известно около девяти сот видов рододендронов. В СССР рододендроны растут и в Сибири, и на Кавказе, и на Дальнем Востоке. Цветут они обильно — красивыми крупными цветами, так что и

листьев не видно! А так как цветут долго, то и много дней могут радовать нас нежными красками лепестков...

На наших фотографиях — цветущие рододендроны из коллекции Ленинградского Ботанического сада.

Если вам случится там побывать в апреле — мае — июне (вот как долго цветут рододендроны!), найдите оранжевую номер шесть. Не пожалее потраченного времени: в коллекции сада — сто пятнадцать видов рододендронов. А насколько они красивы, — смотрите сами.

Рододендрон „Юннаненсе“

Е. НИКОЛАЕВ,
сотрудник Ботанического сада
АН СССР

Фото автора

КАК ЖИВЕТЕ, МАЛЫШИ?

«Получили от вас семена облепихи. Посадили 12 мая, семена проросли уже 19 мая. Большое вам спасибо за облепиху... Я учусь в 7 классе. Пошлю вам саженцы ирги для ленинградских юннатов...»

*Ира Сухоругонкова,
поселок Кебраты Пермской области».*

«Пошлю отчет о ходе опытов.

1. Рододендрон. Семена получены из штаба «Чудо-дерева». Из 26 взошло 19. Ростки появились через две недели. В июне высота была около 20 сантиметров.

2. Боярышник (перед посадкой стратифицирован). Семена получены из штаба «Чудо-дерева». Из 16 взошло 13. Ростки появились 23 мая на двадцатый день. В июне высота — 12 см.

3. Кизильник Дильса. Получен из штаба «Чудо-дерева». Всходы через две недели. Растет хорошо. В июне высота около 20 см.

4. Пихта. Получена из Тувинской АССР. Посадки 19 мая. Взошли 31 мая. Растут хорошо. Работы продолжаю.

*Командир
Андрей Севалкин,
село Мосур
Калужской области».*

Такие сообщения — в каждом письме в адрес операции «Чудо-дерево»: Около полу-миллиона семян было разослано участникам операции. Более половины — взошло, принялось, растет. А сколько ребята получили, переписываясь друг с другом? Обмениваясь семенами и саженцами? Только юннаты Любитовской школы Приморского края разослали в разные концы страны — 150 саженцев кедра сибирского, 5 килограммов маньчжурского ореха, тысячи семян бархата амурского.

Сколько же у ребят растет сейчас растений-малышей? По

предварительным подсчетом штаба — миллион! Теперь их будущее зависит от вас, юннаты! От ваших забот, ваших трудов, от того, в чьи руки вы передадите своих «малышей», когда они подрастут, а вы уже кончите школу и, быть может, разъедетесь в другие города...

А сейчас — честь и слава вашим маленьким опытным площадкам, питомникам, грядкам, делянкам, школьным садам... Потому что вы размножаете зеленое богатство нашей Родины.

Наш корреспондент побывал в дендрологическом питомнике Лесотехнической академии имени С. М. Кирова в Ленинграде, в той части, где ученые ставят опыты по акклиматизации и где растут «малыши». Вот что он узнал.

В первые годы жизни деревья и кустарники так малы, что на одной грядке помещается их великое множество. Это — посевное отделение. Что-то вроде детского сада. Отсюда растения «идут в школу». В «первом классе» малышам жить до четырехлетнего возраста. Их рассадят попростор-

нее. Чтобы сформировалась крепкая корневая система. Многие кустарники уже после «первого класса» вступают в жизнь: их высаживают в парки и сады города. Но многие кустарники вместе с деревьями переходят «во второй класс», где каждому растению отводят участок земли. Здесь у них должен окрепнуть ствол и сформироваться крона.

«Третий класс» — для крупных, высоких деревьев...

Иду к «второклассникам» — туе, падубу, самшиту, солнццвету аппенинскому, можжевельнику виргинскому... Они уже припорошены снегом и готовы встречать зиму...

А младенцы-первогодки тщательно укрыты еловыми ветками. Грядка засыпана толстым слоем опилок. Чтобы не замерзли. Особенно тщательно укутаны растения, которые в этом году перекочевали из оранжереи на грядку. Над рододендронами — деревянная решетка, а поверх нее — толстый слой елового лапника...

Растения постарше уже зна-

комы с ленинградскими зимами и обходятся без укрытия.

Пожелаем всем «малышам» счастливой зимовки!

ШКОЛА БУДУЩИХ КОМАНДИРОВ

Дорогие юнармейцы!

За время игры вы уже накопили некоторый опыт руководства войсками и вслед за великими полководцами одержали три победы в классических битвах Древнего мира.

И вот теперь наступило время предостеречь вас от одного частого заблуждения. Вдруг кому-то из вас покажется, что непобедимым стать довольно просто. Достаточно хранить в памяти и переносить на схожие обстоятельства наиболее яркие тактические решения. Словом, пользоваться ими, как четырьмя простейшими арифметическими действиями.

Если относиться к военной истории формально, то для такого заблуждения есть все основания. Ведь, так сказать, в чистом виде существует совсем немного тактических ходов: бери в союзники местность, ударь по наиболее слабому участку обороны противника, сумей ввести резерв в решительную минуту, охвати фланги вражеской армии, окружи ее... Но не надо забывать, что и противник эту азбуку военного искусства знает прекрасно. И далеко не всегда первое пришедшее на ум решение будет неожиданным для него.

В задаче № 3 вы подробно разобрали классический пример полного окружения. И теперь знаете, как Ганнибал уничтожил при Каннах римские легионы.

На этот раз вам дается сходная ситуация. Только не противник, а вверенная вам армия находится в полном окружении. Причем окружение это далось противнику легче, чем в свое время Ганнибалу. А местность (вспомните Марафон) оказа-

лась таким мощным союзником, что враг получил возможность сосредоточить все свои силы на одном узком участке.

Итак, вам доверено командовать войсками, которые находятся в крайне трудном, а по мнению вражеских военачальников, просто в безнадежном положении. Полководца, который в этой битве одержал победу, Карл Маркс назвал «...самым великолепным парнем во всей античной истории».

СОВЕТЫ ГЛАВНОГО КОНСУЛЬТАНТА ВОЕННО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ИГРЫ «КОСТРА»

Оценка обстановки: вверенная вам армия «заперта» на полуострове. Продовольствие на исходе. Ждать помощи не откуда. Противник создал на узком перешейке мощные фортификационные сооружения: глубокий ров, валы, изгороди. Он уверен в своих силах, но считает, что и без открытого столкновения обеспечил себе победу.

Задача — выход из окружения. Необходима тщательная подготовка прорыва, использование подручных средств для преодоления препятствий, а также для отвлечения внимания противника от направления главного удара...

Надо стремиться к тому, чтобы время и место прорыва было для врага неожиданным.

Помните, что внезапность и отвлекающие действия в большинстве случаев имеют большее значение, чем численное превосходство противника, система укреплений, местность.

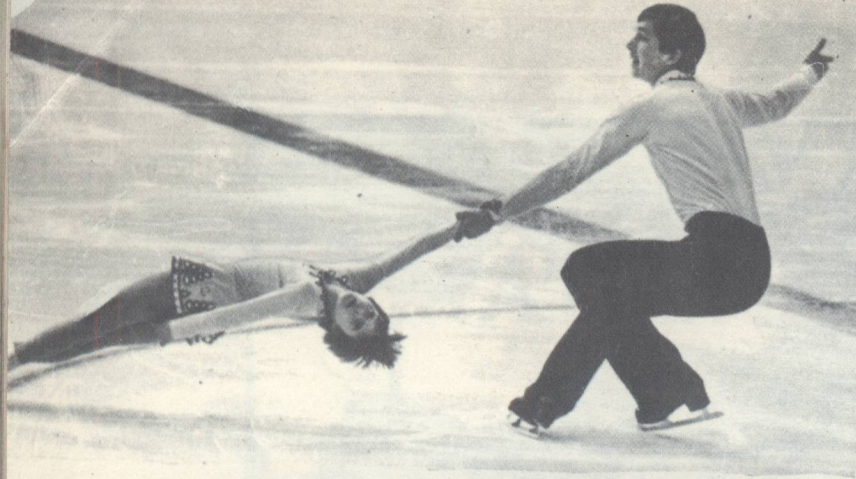
Как и в прошлый раз, в решении задачи вам помогут «Книга будущих командиров» А. Митяева, «Детская энциклопедия», т. VIII, 3 издание.

Донесение прислать в редакцию не позднее 25 декабря сего года.

Рисунок Р. Попова

Жесткий лед

Елена МАТВЕЕВА

С вечерней тренировки Марина Черкасова вернулась поздно и перед сном села читать новые письма от ребят. Что-то ее очень на смешило, даже мама услышала, пришла из кухни. Марина прочла ей отрывок из письма. Одна девочка просит: «...я понимаю, что у тебя нет времени, но напиши мне хотя бы на тренировке...»

Про это письмо мне рассказала Марина. Интересно, думаю: как эта девочка представляет себе тренировку?

Раннее утро. На большом катке Центрального Спортивного Клуба Армии фигуристы — одни летят на большой скорости, так что в глазах мелькает, другие крутятся, как веретено, или взмывают в воздух. Черкасова и Шахрай в лилово-сиреневых костюмах приглушенного спокойного оттенка. Никакой яркости в одежде. Обстановка должна быть рабочей.

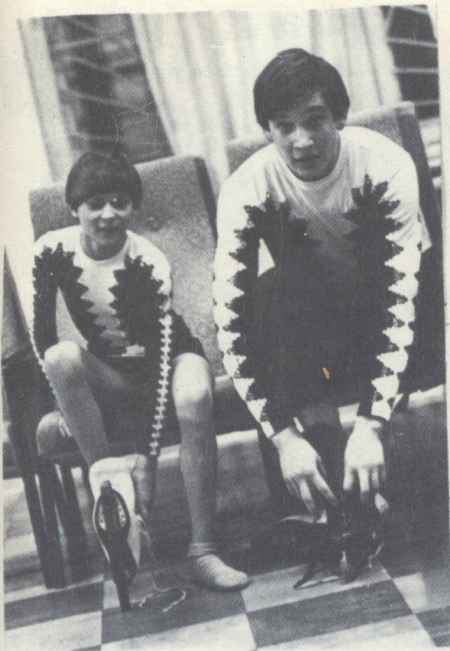
На этом огромном катке Марина кажется худеньким задиристым мальчишкой — это сквозит в повороте плеч, движении рук, четких уверенных шажках по льду. Сейчас она не похожа на ту девочку, участницу чемпионата Европы, которая вместе со своим партнером показала сложнейшую, отточенную во всех деталях программу.

Ребята отрабатывают тодес — один из сложных элементов парного катания. Сергей крепко держит Марину за руку, а она, вытянувшись в струнку, описывает круги — короткие волосы метут лед.

Станислав Алексеевич Жук недоволен, что-то выговаривает, рубит рукой воздух. И они опять заходят на тодес.

Сколько раз это повторится? Сколько потребует Станислав Алексеевич, ровно столько и — точка. Спорить с ним просто глупо, потому что он все знает, видит и даже, как говорят специалисты, умеет вперед заглядывать.

А сколько раз за тренировку Марина упадет? Вы думаете, чемпионы на тренировках мало падают? Ничего подобного. Падать

фигуристов учат с первых шагов на льду, чтобы они не получали серьезных ушибов. Но без синяков не обойдешься, а падать, даже при умении, все равно больно.

И все-таки есть в этом суровом труде ощущение праздничности. Может быть, создает его голубой каток, белые бортики и музыка. И само скольжение, скорость, ожидание совершенного движения. Из тяжести работы должна родиться легкость.

Носятся девочки в ковбойских поясах с бляхами. Пояса эти не для красоты, как может показаться с первого взгляда. Бляхи — свинцовые. Кружат по льду ребята с огромными гирями. Для красивых и ловких поддержек нужна большая сила.

С мягким чирканьем идут коньки — тихий, почти неслышимый звук. Вспаханный долгой тяжелой работой лед. Конца не видно этой работе. Снова и снова: поворот — прыжок, поворот — прыжок...

Кончается утренняя тренировка. Выходит заливочная машина, чудесный желтый комбайн, и сразу делит каток пополам зеркальной мокрой полосой. И плавает по бортам. Все меньше и меньше становятся островки матового изъезженного льда, но пока они не исчезли, ребята не уходят с этих сухих островков. Ста-

нислав Алексеевич еще что-то договаривает, словно им не хватило нескольких мгновений и именно сейчас он скажет что-то очень важное.

Ребята бегут в раздевалки. Сережа Шахрай спешит в институт. Он будет тренером. Для ученика Жука такой выбор понятен. Станислав Алексеевич считает: можешь работать, имеешь опыт — передай его другим.

Марине пора в школу, а пока она собирается, я стою возле маленького уютного катка с зеркалом во всю стену. Здесь занимаются малыши. Здесь и Марина делала первые шаги: чертила круги огромным деревянным циркулем и долго, старательно обкатывала их по одной линии — ни на сантиметр в сторону.

Кем станет Марина, какую профессию выберет? Говорить об этом пока рано. Больше всего она любит спорт. А еще — любит посидеть дома. Она ведь так мало бывает дома. Уходит рано, приходит поздно. В воскресенье говорит: «Никуда не пойду, буду играть с сестренкой». Но прибегают ребята, зовут во двор, и она летит. Зимой играть в хоккей, летом — в футбол.

В раздевалке Марина, уже в школьной форме, садится за стол и старательно пишет в моем блокноте:

Очень рада, что могу на страницах „Костра“ поблагодарить своих друзей, которые шлют мне письма. К сожалению, не могу на все ответить. Просто у меня не хватает времени.

Марина Джурасова.

Фото Ю. Моргулиса

ПОЛЕТ

РАССКАЗ

В. БОБРОВСКИЙ

Парашют сшили из старых простыней, затем намочили, растянули куполом и заморозили, чтоб держал форму.

— Соображать надо, — сказал Федька, почесав нос. — Когда вертолет прилетел, я у вертолетчика спрашивал, он говорил, что на парашют даже зонт можно приспособить, только шибко большой размер надо.

— Большой-то, конечно, сдержит, — соглашались ребята.

— Самое главное — храбрость. Прыгать хоть на чем можно, только не робей, орлом лети! — продолжал Федька.

— Мой папа говорит: не получится, — возразил Колька.

— Что не получится? Что? Докажи, — накинулся Федька.

— Прыжок с нашим парашютом. Тяжесть, говорит, точно на самый центр должна приходиться, а для этого всякие расчеты надо делать.

— Ха, тоже мне, расчеты! Эх ты, нуль без палочки.

— А что, Федя, ежели посреди парашюта дырку прорезать? Из бумаги так ровней летит, — предлагали ребята.

— Тоже мне, посоветовали называется: дырку! Это чтоб в нее весь воздух проходил, да? Чтоб парашют не держал?

— Зато вильять не будет!

— Не вильнет, пойдет как миленький. Уж я-то знаю!

Советов Федька не слушал.

— Главное, чтоб смелость была, а расчеты всякие — ни к чему. Понятно вам?!

Кое-кто соглашался, многие возражали, однако на приступ не спорили: все считали Федьку отважным смельчаком!

— Может, для начала чурбак на парашюте спустить?

— Ага, чтоб этим чурбаком парашют ломать? — вскричал Федька. — Кто боится, пусть уходит, нечего здесь примазываться. Я сам полечу! А то чурбак, чурбак...

К парашюту привязали веревки-стропы и осторожно, чтоб не смять, подняли на крышу двухэтажного амбара. По коньку крыши Федька пролез на край и перетащил за собой парашют.

— Не боязно? — спросил кто-то снизу.

— Ха! Да я на этом парашюте хоть с неба махану...

Тут Федька встал, поднял потрескивающий купол и крикнул:

— Разойдитесь на земле, затяжным лечу! — Он толкнул вперед парашют и сразу прыгнул. Мерзлый материал только хрустнул и перекосялся. В мгновение над сугробом вспылился снег и исчезнувшего Федьку прикрыли мерзлые простыни.

Когда подбежали ребята и сбросили их в сторону, лишь Федькины валенки торчали из снега.

— Готов, даже не шевелится, — испуганно прошептал кто-то.

— Разгребайте быстрее, за ноги тащите! — закричал Колька.

Через несколько секунд Федька сидел на сугробе. С него сметали снег, снег выковыривали из ушей, вытрясали из волос и из-под ворота. Федька моргал очумевшими глазами и выплевывал снег.

— Молчит. Никак чокнулся? — сказал Колька.

— Сам ты чокнулся, — пробурчал Федька. — И верно: с расчетов начинать надо, тогда, конечно, ровнее. как настоящий, пойдет.

Рисунок Ю. Бочкарева

КАК СДЕЛАТЬ ЖУРНАЛ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ «УГОЛЁК» Вырежьте странички по сплошным линиям, согните по пунктирным, сложите по порядку номеров и сшейте книжечку

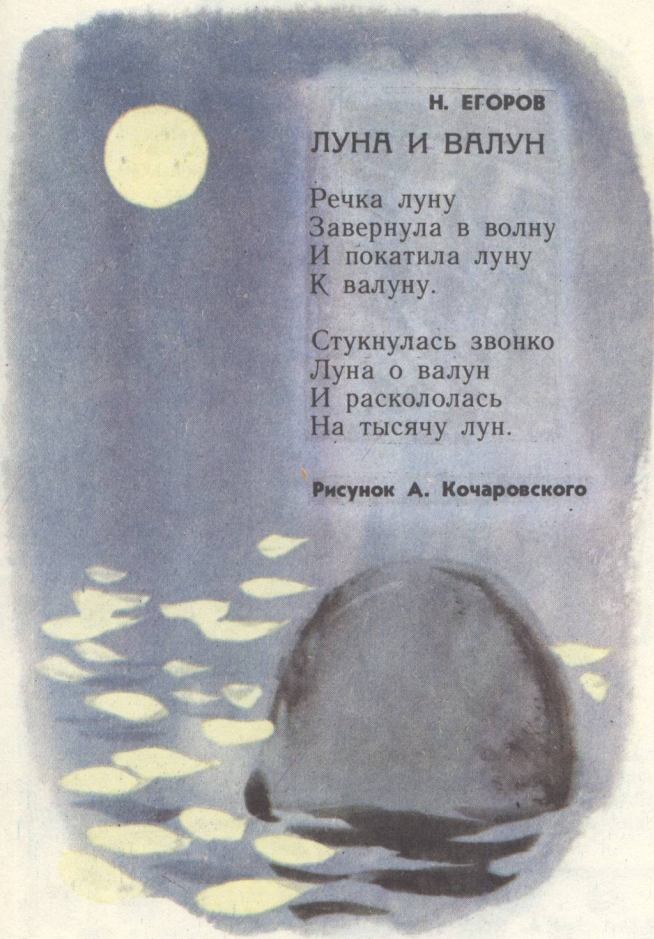
Н. ЕГОРОВ

ЛУНА И ВАЛУН

Речка луну
Завернула в волну
И покатила луну
К валуну.

Стукнулась звонко
Луна о валун
И раскололась
На тысячу лун.

Рисунок А. Кочаровского

8

Рисунок Б. Семенова

А. ЛИСНЯК

НЕИЗВЕСТНОЕ ОЗЕРО

Однажды на прогулке Барашек вышел к НЕИЗВЕСТНОМУ ОЗЕРУ. Озеро было синее-синее!

— Ах, какое синее! — закричал Барашек. Но не успел он шагнуть, а озеро стало зеленым.

— Назову тогда тебя зеленое! — сказал Барашек. — Как это я ошибся?

А озеро уже было прозрачным и серебристым.

— Ух ты! Назову я тебя... — только и успел сказать Барашек.

Тут озеро стало фиолетовым, грозным. Барашек даже попятился и ромашки выбросил.

— Назову тебя Грозным!

Но тут озеро засверкало, как начищенная медь. Совсем не грозно...

— Не успеешь тебя назвать, а ты уже другое! — рассердился Барашек.

— Любишься молча, — сказала озеро.

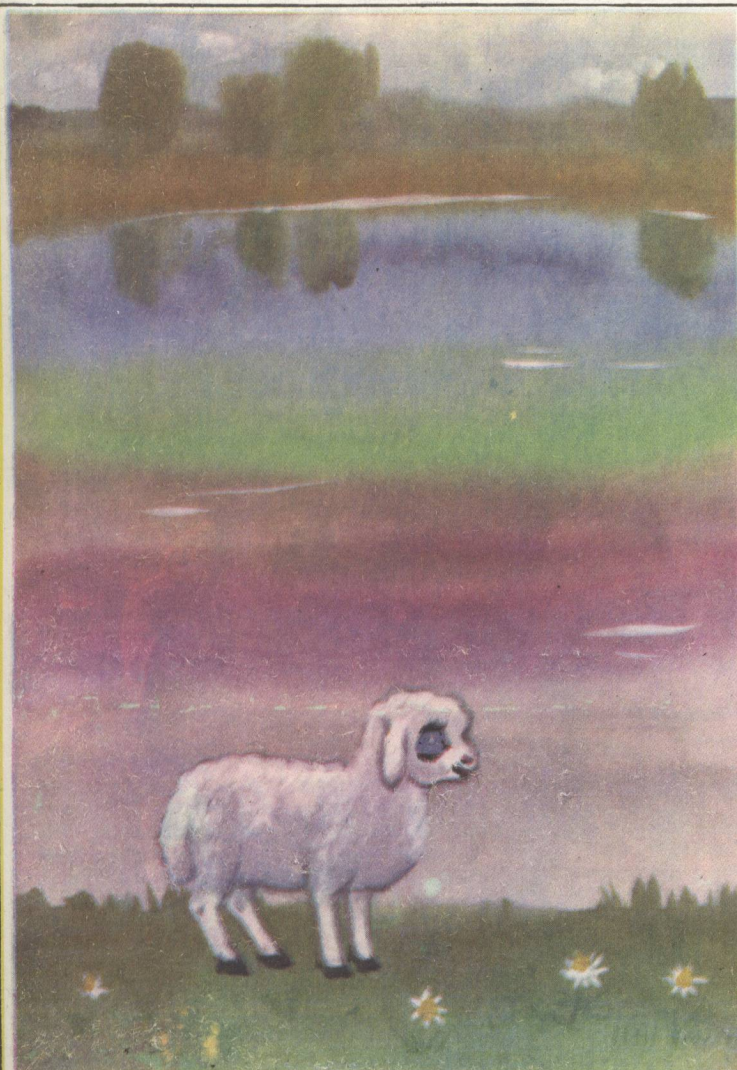

Рисунок А. Кочаровского

5

Яков САТУНОВСКИЙ

ТУЧИ

Мы так хохотали!
 Мы так хохотали!
 Мы молнии с неба на землю метали!
 И вот — мы устали...
 Мы еле летим...
 И таем, и таем, и таем, как дым...

2

Рисунок А. Орлова

Хорошо бы яички считать, да надо кур почитать.
 Лень добра не делает — без хлеба обедает.
 Лучше хлеб с водой, чем пирог с бедой.
 К большому терпению придет и уменье.

Вл. БАХТИН

Рисунки А. Ястребенецкого

7

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ, ЗАПИСАННЫЕ УЧЕНИКАМИ СПИРОВСКОЙ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Есть в Бокситогорском районе Ленинградской области деревня Спирово. С ребятами этой деревни я дружу много лет. Вот уже несколько поколений спировских школьников собирают произведения устного народного творчества — песни, загадки, пословицы и поговорки, частушки.

Вот какие пословицы и поговорки прислали нам спировские ребята:

Доброе слово железные ворота отопрет.
 Не гони коня кнутом, а гони овсом.
 С огнем не шути, ветру не верь.

6

М. АЛИМБАЕВ

ЩУКА

— Что сторонисься, судак?
 Подойди сюда, чужак.
 Думаешь, я злюка?
 Я простая щука.
 Одного я не пойму:
 Объясни мне, почему
 Так боятся рыбки
 Щукиной улыбки?

Перевел с казахского
 А. КРЕСТИНСКИЙ
 Рисунок А. Орлова

3

ПРИМУТ КАЖДОГО

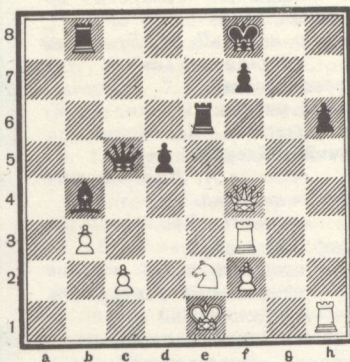
Запись в новый чемпионат Армии Рыцарей Черно-Белых Клеток открыта. Чтобы быть принятым, нужно при-слать открытку-заявку («Прошу при-нять меня...»). Ждать ответа не надо: зачислены будут все.

Вступайте в АРЧЕБЕК! Включай-тесь в Чемпионат-79!

КОМУ ДОСТАЛСЯ МАЙСКИЙ ПРИЗ?

Ключ к решению задачи этого кон-курса («Костер» № 5) — ход 1. с8К! Только превращение пешки в коня обеспечит мат черному королю на сле-дующем ходу.

Правильных ответов поступило много, и призеров выявила жеребьев-ка. Это Юра Митминов (г. Николь-ский), Андрей Горовой (г. Георгиу-Деж), Володя Богданов (Омск).

КАК ДОЛЖЕН ПОЙТИ ЗАЙЧИКОВ

Вася Зайчиков играл белыми. Его противник объявил ему шах слонем, но вслух слово «шах» не произнес. Вася не заметил, что его король под шахом. Не сказав предупреждающего слова «поправляю», он протянул руку и... А теперь предположим, что Вася—

- дотронулся до пешки b3;
- дотронулся до ладьи h1;
- дотронулся до коня e2;
- дотронулся до ладьи f3;
- дотронулся до своего ферзя;
- дотронулся до черного слона;
- сказал «шах» и дотронулся до черной ладьи b8;
- побил ферзем пешку f7, объявив, что черному королю мат;
- дотронулся до ладьи f3 и до черного слона.

Как должен пойти Вася в каждом из этих случаев? Рыцари, прославшие наибольшее число верных ответов, будут названы в «Костре» № 5, а трое награждены шахматной книжкой.

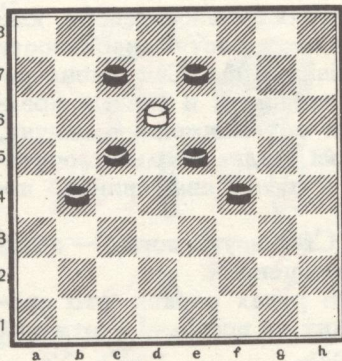
ОТВЕЧАЕТ ПЕШКОЕДОВ

«Что означает в шашках слово «за-думка?» — спрашивает Саша Коль-цов.

В шашечной композиции издавна существуют этюд (где к цели ведет тонкий маневр), концовка (где к цели ведет комбинация), задача (где

цель — запереть шашки). А недавно появился новый жанр — задумка. Задания в задумке необычные, забавные и, на первый взгляд, невыполнимые.

На диаграмме — задумка Юрия Новикова (Москва). Эта заданная позиция называется критической. Может ли она образоваться в игре без нарушения правил? Кажется, что нет, не правда ли? А на самом деле — может! Это доказывается так. Подбирается разомкнутая расстановка (поло-жение, где белые шашки не соприка-саются с черными и нет шашек под боем), от которой удастся перейти хотя бы самыми плохими ходами к критической позиции. Возьмем разом-кнутую расстановку — белые: d2, e1, e3, e5, f4; черные: b2, b4, c5, c7, e7, h2, h4. Сомнений, что она может воз-никнуть в игре, нет? Сделаем в ней ходы — hg3; dc3 b:f2, ed6 g:e5; e:g3 h:f4. Доказательство выполнено: получилась критическая позиция!

Вот еще две задумки Ю. Новикова. № 1. Белые: пр. c3, e5; черные: Д. b2, f6.

№ 2. Белые: пр. g7; черные: пр. e5, e7, f6, f8, g5, h6.

Докажите, что эти критические по-зиции — в них ход белых — могут образоваться в игре, то есть докажите их легальность.

ТРЕНИРОВОЧНАЯ КАБИНА

Сегодня здесь смогут потрениро-ваться и шахматисты, и шашкисты, и разведчики МШ. Заходите, доблест-ные рыцари!

№ 1. Ю. Селявкин (Воронеж). Б. — Kpb6, Фh1; Ч. — Кра8, Са6, Kb7, Kb8.

№ 2. Б. Павлов (п. Волосово). Б. — b2, b4, c1, g3, g5, h2; Ч. — a7, d4, d6, e5, h6, h8.

№ 3. В. Степанов (Абаза). Б. — 6, 11, 18, 45, 50; Ч. — 1, 21, 35, 39, 44.

№ 1 — мат в 4 хода; № 2 и № 3 — белые выигрывают.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 8 решаются так.

Чемпионат. Шахматы. А. 1. Сe8!. Б. 1. Kpd4!. В. 1. Фf1! Kph5 2. Фf4; или 1... g3 2. Фf5; или 1... Kpg3 2. Сf4+. Г. 1. Фf3! f5 2. Фh3! и т. д. Д. Белые спасутся: 1. Kрe6! Kрe8 2. Kрд6 Kрf8 3. Kрe5 и т. д. Плохо 1. Kрд6? Kрe8 2. Kрe5 Kрд7!. Е. Выигрыш: 1. Лc2! Ф:c2 2. Cd8+ g5 3. Са5! Фе2 4. Сс7 Фf2 5. Cd6! Шашки. А. 1. bc5! 2. a7 a1 3. g7!X. Б. Лишь ничья: если 1. e3! 2. c3 3. c3! (чтобы на 3... g1 пойти 4. d4 5. b2X), то 3... e7!!=. В. 1. g5! 2. g3 e1 3. ab2!X. Г. 1. fg5!X. Д. 1. e5! 2. c3X. Е. 1. c5 a7 2. a3! b8 3. b2!X. Разведка МШ. А. 1. 21! 2. 33!X. Б. 1. 30! 2. 44—39! 3. 39!X. В. 1. 22! 27 2. 32 3. 39—34X. Г. 1. 32! 38 2. 23! 28 3. 43!X. Д. 1. 32! 2. 33! 3. 24!X. Е. 1. 2! 2. 44 3. 7X.

Оруженосца. При короле на e8 ничья (1. d7+ Kрд8). При короле на d8 выигрыш (1. d7 Kрc7 2. Kрe7). Вы-вод: вступать пешкой на седьмой ряд лучше без шаха.

Уголок заядлых спорщиков. 1. e5 ef6? 2. d6! 3. f4! 4. f2! 5. a5 6. c7!X.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

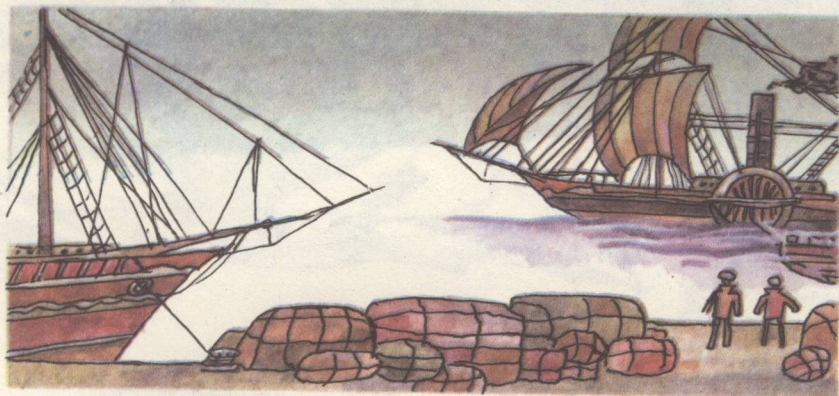
ОШИБКА ОФИЦЕРА

В порт, где готовился к плаванию корабль „Бигль“, пришел скромно одетый человек и сказал, что он ученый и тоже собирается в плаванье.

— Поселите его в темную каюту, не книги же ему там писать, — сказал офицер боцману.

Открытия, сделанные человеком во время плаванья, и написанные книги принесли ему мировую славу...

Это был Чарльз Дарвин.

ОТВЕТ СВЯЩЕННИКУ

Известный немецкий биолог Эрнст Геккель, один из творцов эволюционной теории, как-то сидел в гостях поблизости от священника. Священник решил закурить, и ученый предложил ему зажженную спичку. Спичка, едва только очутилась в руках священника, потухла.

— Свет науки погас! — объявил священник.

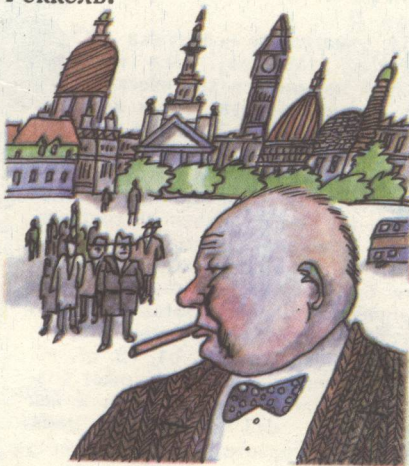
— В руках церкви это происходит не впервые! — ответил Геккель.

ТОЛПА БЫЛА БЫ ГОРАЗДО БОЛЬШЕ...

Однажды видный английский политический деятель Уинстон Черчилль пришел на митинг, чтобы произнести речь. Он оглядел слушателей и сказал стоящему рядом организатору:

— Если бы меня приговорили к повешению, толпа была бы гораздо больше.

Рисунки О. Зуева

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015, Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-15538. Сдано в набор 04.08.78. Подписано к печати 06.10.78. Формат 60×90 1/8.
Печ. л. 8. Усл.-печ. л. 8. Уч.-изд. л. 8,5. Печать офсетная. Тираж 620 000 экз. Заказ № 2843.
Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, ул. Мира, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

Райком всегда открыт из воспоминаний П. Усанова	2
Десант ведет Иванов окончание повести Г. Балужева	5
Барабан журнал юнкорое	16
Стихотворения М. Вейцмана	20
Закон твоей жизни беседы о Конституции Ю. Яковлева	22
Винегрет и аккордеон рассказ Г. Кемоклидзе	24
Ветеран с проспекта Ветеранов Воспоминания В. Васильева	27
Мусенка. Флажки на карте рассказы О. Орлова	30
«Паруса» под мостом очерк В. Четкарева	34
Огненная земля о книге Л. И. Брежнева «Малая земля»	36
Морская газета Первый ученик очерк Г. Маликовой	40
Птичий лейтенант рассказ А. Ливеровского	42
Крепкая веточка очерк Н. Алексеевой	45
Кинофототелеклуб Они открывают парад репортаж В. Михайлова, А. Толстикова и И. Чиркова	52
Операция «Чудо-дерево»	54
Школа будущих командиров Жесткий лед очерк Е. Матвеевой	58
Полет рассказ Б. Бобровского	60
Уголек странички для малышей	61
Арчбек шахматы и шашки, раздел ведет заслуженный тренер СССР Ю. П. Барский	63

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОБОЙНИКОВ,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
В. И. МАТВИЕНКО,
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. редактора),
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
Г. М. МАЛИКОВА

Как установить, действительно ли полученное в прошлом месяце послание является сигналом из глубин Вселенной или это чья-то загадочная шутка? Для проверки в приемный блок было вложено новое задание. Авторы задания уверены, что по ответам на него легко установить, является ли ответивший инопланетянином или он никогда не покидал сферы земного притяжения.

Кроссворд **Ларисы Свиновой** из Ростова-на-Дону. В нем только пять клеток не заняты буквами.

По горизонтали: 2. Взрывчатое вещество. 4. Пионерская здравница. 6. Оборонительное сооружение. 8. Прибор для нагнетания воздуха. 9. Сила тяжести. 11. Поселок в Свердловской области. 12. Страна в Южной Америке. 13. Книга. 15. Животное. 16. Топографический прибор. 19. Древнеримский государственный деятель. 20. Сельскохозяйственное угодые.

По вертикали: 1. Войсковая единица в казачьей кавалерии. 2. Цифра. 3. Одно из состояний воды. 4. Представитель средневековой науки. 5. Советский писатель. 6. Строительный материал. 7. Французский химик. 8. Положение в шахматах. 10. Часть древесной кроны. 14. Домашняя птица. 17. Земляная насыпь. 18. Широкий овраг.

Криптограмма **Игоря Булатова** из поселка Ривзавод Калининской области. В горизонтальные ряды надо вписать название 9 планет и звезды, входящих в нашу звездную систему, и сделать это так, чтобы буквы слова «Астрономия» были в составе этих названий.

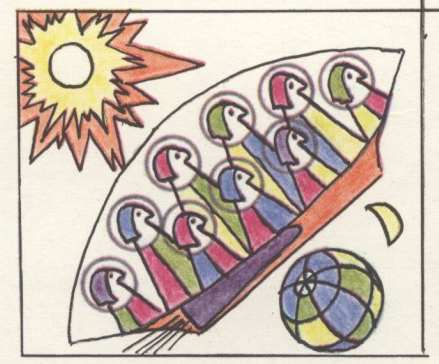
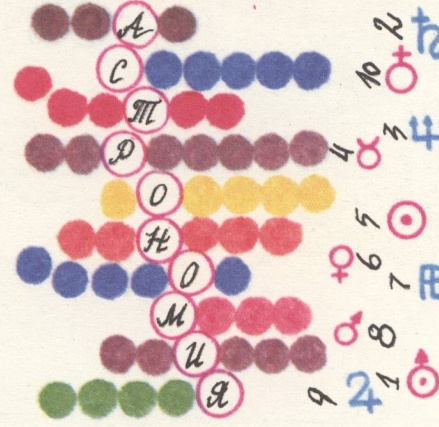
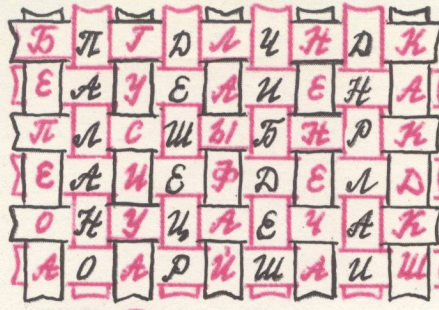
Плетенка **Веры Шаманиной** из поселка Васькино Кировской области. На вертикальных и горизонтальных полосках написаны названия 15 лекарственных растений, которые можно прочесть только догадавшись, какие буквы в названиях перекрыты полосками.

Ребус почетного члена клуба **Коли Доскумбаева** из села Нижний Бурлук Кокчетавской области, в нем зашифрована загадка.

Блок связи принял информацию, а на следующий день в дупле лежал ответ.

ОБИТАТЕЛЯМ ПЛАНЕТЫ 3-3С-52891/Г1813 ОТ БРАТЬЕВ ПО РАЗУМУ, БЛАГОДАРИМ ПРЕДСТАВЛЯЮЩУЮ ГЛУБОКИЙ НАУЧНЫЙ ИНТЕРЕС ИНФОРМАЦИЮ. СВОЕЙ СТОРОНЫ ПОСЫЛАЕМ ДВА ИЗОБРАЖЕНИЯ НАШЕГО МЕЖГАЛАКТИЧЕСКОГО АППАРАТА ПЕРЕД СПУСКОМ ВАШУ ГЛУБОКОУВАЖАЕМУЮ ПЛАНЕТУ И ПОСЛЕ СТАРТА НЕЕ. ОПРЕДЕЛИТЕ, КТО ИЗ НАС НЕ ВОЗВРАТИЛСЯ РОДНУЮ ГАЛАКТИКУ ПРИЧИНЕ ТОГО, ЧТО ЕМУ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛАСЬ ВАША ГЛУБОКОУВАЖАЕМАЯ ПЛАНЕТА. ПРИЛАГАЕМ ОТВЕТЫ МАТЕМАТИЧЕСКИЕ РЕБУСЫ ВАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ. НАДЕЕМСЯ, ЧТО БРАТЬЯ ПО РАЗУМУ НАШЛИ 12 СВИДЕТЕЛЬСТВ НАШЕГО ПРЕБЫВАНИЯ ВАШЕЙ ГЛУБОКОУВАЖАЕМОЙ ПЛАНЕТЕ.

ЖИТЕЛИ ПЛАНЕТЫ 7-3С-00001/Г0001, 7, 8, XXIV, 4238-6.

8 + 7 - 1 - 6 = 8
 + □ - □ + □ - □ +
 6 + 3 - 5 - 2 = 2
 - □ - □ - □ + □ +
 8 - 1 - 3 - 2 = 2
 + □ - □ - □ - □ - □
 3 + 2 + 1 + 3 = 9
 = □ = □ = □ = □ =
 9 - 1 - 2 - 3 = 3

$\begin{matrix} \times & 397 \\ & 34 \\ \hline & 1588 \\ + & 1191 \\ \hline & 13498 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 5770072 \\ \times & 3857 \\ \hline & 19130 \\ & 15428 \\ \hline & 37027 \\ & 34713 \\ \hline & 23142 \\ & 23142 \end{matrix}$

$\begin{matrix} 1089700 \\ \times & 12 \\ \hline & 21794 \\ & 13076 \\ \hline & 128964 \\ & 130764 \\ \hline & 130764 \\ & 130764 \\ \hline & 130764 \\ & 130764 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 48384 \\ \times & 126 \\ \hline & 290304 \\ & 968208 \\ \hline & 6097440 \\ & 6097440 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 50193476 \\ \times & 49785 \\ \hline & 250967380 \\ & 250967380 \\ \hline & 250967380 \\ & 250967380 \end{matrix}$

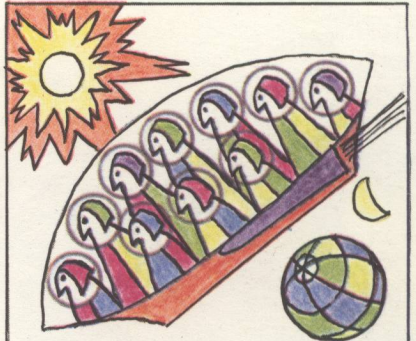
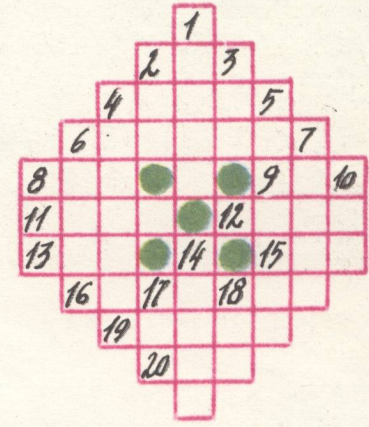
$\begin{matrix} 50193476 \\ \times & 49785 \\ \hline & 250967380 \\ & 250967380 \\ \hline & 250967380 \\ & 250967380 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 408476 \\ \times & 1008 \\ \hline & 408476 \\ & 408476 \\ \hline & 408476 \\ & 408476 \end{matrix}$

$\begin{matrix} 396 \\ \times & 403 \\ \hline & 15828 \\ & 15828 \\ \hline & 15828 \\ & 15828 \end{matrix}$

$\begin{matrix} 137 & 513 & 963 & 968 & 3580 \\ + & ЕРШ = 268 = 467 & + & ГОЛ = 245 = 237 & + & СОМЫ = 1692 \\ УХА & 405 & 980 & ИГРА & 1208 & 1205 & РЫБЫ & 9272 \end{matrix}$

Составил и оформил В. УФЛЯНД

$\begin{matrix} 1089700 \\ \times & 12 \\ \hline & 21794 \\ & 13076 \\ \hline & 128964 \\ & 130764 \\ \hline & 130764 \\ & 130764 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 48384 \\ \times & 126 \\ \hline & 290304 \\ & 968208 \\ \hline & 6097440 \\ & 6097440 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 50193476 \\ \times & 49785 \\ \hline & 250967380 \\ & 250967380 \\ \hline & 250967380 \\ & 250967380 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 408476 \\ \times & 1008 \\ \hline & 408476 \\ & 408476 \\ \hline & 408476 \\ & 408476 \end{matrix}$
 $\begin{matrix} 396 \\ \times & 403 \\ \hline & 15828 \\ & 15828 \\ \hline & 15828 \\ & 15828 \end{matrix}$

$\begin{matrix} 137 & 513 & 963 & 968 & 3580 \\ + & ЕРШ = 268 = 467 & + & ГОЛ = 245 = 237 & + & СОМЫ = 1692 \\ УХА & 405 & 980 & ИГРА & 1208 & 1205 & РЫБЫ & 9272 \end{matrix}$

24/2

ХЛЕБ ФРОНТУ Саша Демидов

МЫ СТРОИМ БАМ Юра Булгарин